

Маленькі жінки
Луїза Мей Олкотт

Подається російською мовою

Луиза Олкотт

Маленькие женщины

Вместо предисловия

Пусть эта небольшая повесть

Все тайное со дна души поднимет,

Заставит вас подумать и понять,

Что нету доблести превыше доброты.

Пусть эта небольшая повесть

Представится вам вроде пилигрима,

Который вам поведал тьму историй,

Чтоб, их узнав, вы сделали мудрей.

Пусть эта небольшая повесть

Заставит вас задуматься о ближнем

И, несмотря на множество преград,

Обучит вас науке милосердия.

Из Джона Беньяна[1]

Глава I

Игра в пилигримов

– Ну что это за Рождество без подарков! – проворчала лежащая на ковре Джо.

– Ужасно быть бедным, – ответила Мег и со вздохом оглядела свое старое платье.

– Да уж куда хуже, – добавила маленькая Эми. – У одних девочек столько красивых вещей, что некуда девать, а у других вообще ничего нет!

Эми даже раскашлялась от досады.

- Ну, нам еще не так плохо. У нас, по крайней мере, есть отец с матерью, да и живем мы все вместе, - отозвалась из своего угла Бет, и голос ее звучал куда веселее, чем у остальных.

Услышав эти слова, девочки приободрились.

- Да, но папы-то с нами нет, - словно спохватилась Джо. - Когда мы теперь увидимся?

Тут все четверо снова затихли, и каждая невольно подумала о том, чего не сказала Джо: папа сейчас на войне[2], а значит, может вообще не вернуться.

Некоторое время сестры молчали.

- Вы же знаете, почему мама не хочет, чтобы мы дарили друг другу подарки на это Рождество, - сказала наконец Мег. - Зима предстоит трудная. И мама считает, что, пока мужчины воюют, женщины не имеют права тратить деньги на удовольствия. Конечно, от нас мало что зависит. Но будет справедливо, если мы пойдем на небольшие жертвы. Мама говорит, что такие жертвы должны приносить радость, но я... что-то не особенно радуюсь.

И, вспомнив, какие прекрасные вещи дарят обычно на Рождество, Мег грустно покачала головой.

- Да уж, невелика от нас польза: у каждой наберется не больше доллара. Вряд ли армия разбогатеет от таких пожертвований. Впрочем, я обошлась бы в этом году без подарков. Но мне так хочется купить "Ундину и Синтрама", - с тоской произнесла Джо, которая более всего на свете любила книги.

- А мне нужны ноты, - призналась Бет и вздохнула так тихо, что вздох ее услышали только кочерга да подставка для чайника.

- А я куплю коробку фаберовских цветных карандашей, - заявила Эми. - Они мне очень нужны.

- Но мама ничего не говорила о наших деньгах. Вряд ли она хочет, чтобы мы вообще от всего отказались. Хоть маленькие радости можно себе позволить? Нам ведь эти деньги не просто так достались! - с жаром произнесла Джо и тут же смутилась.

- Мне-то уж точно они достались не даром, - подхватила Мег. - Целыми днями учить этих кошмарных детей! Дома-то сидеть куда лучше!

- Все это просто пустяки по сравнению с тем, каково приходится мне, - сказала Джо. - Посмотрела бы я, как вам понравится сидеть целыми днями со взбалмошной старухой. Слушать ее брзжание, исполнять прихоти, а она вечно всем недовольна! Угодить ей просто невозможно. Она все время меня пиявит. Так и хочется отхлестать ее по щекам. Или самой выброситься в окно, чтобы никогда больше не видеть этой старой карги.

- Грех, конечно, жаловаться, но мне кажется, моя работа еще хуже. Вас бы заставить мыть посуду и убираться! Знаете, как я устаю! И руки грубеют, я с трудом уже играю на рояле.

Бет грустно посмотрела на свои руки и громко вздохнула.

- Мне все равно хуже! - воскликнула Эми. - Вам не надо ходить в школу. Над вами не издеваются эти мерзкие девчонки! Не выучу урок - они надсмеиваются! И над моими старыми платьями, и над нашим папой, раз он разорился. Они станут надсмеиваться даже над носом, если он им не понравится.

- Эми, - заметила со смехом Джо, - надо говорить не "надсмеиваются", а "насмеваются".

- Неважно, - отмахнулась Эми. - Ты ведь прекрасно поняла меня, так чего иронизировать? К тому же, - с важным видом добавила она, - новые слова расширяют кругозор.

- Да перестаньте вы препираться! О чем спорить? Конечно, лучше, если бы папа не разорился. Когда я была совсем маленькой, мы были богатыми. В те времена мы не думали ни о какой экономии, - вздохнула Мег.

- Ну да, а вчера ты говорила, что мы счастливее королевских детей. И что королевские дети, хоть и богатые, то и дело ссорятся и дерутся.

- Верно, Бет. Я не отказываюсь от своих слов. Конечно, нам приходится трудно. Но ведь мы и повеселиться умеем. Недаром же Джо прозвала нас веселой компанией.

- Вот-вот, - осуждающе заметила Эми. - И откуда только Джо набралась этих словечек!

И она бросила укоризненный взгляд на длинноногую Джо, которая по-прежнему лежала, вытянувшись на ковре.

Джо тут же села и принялась свистеть.

- Перестань свистеть, Джо! Ты ведешь себя как мальчишка.

- А я и хочу вести себя как мальчишка.

- Терпеть этого не могу!

- А я терпеть не могу благовоспитанных кривляк.

- "Птенчики в гнезде воркуют", - пропела Бет и скорчила такую потешную рожицу, что спорщицы весело рассмеялись.

Бет всегда выступала в роли примирительницы.

- Должна заметить, дорогие мои, что вы обе не правы, - назидательно произнесла Мег. Она была самой старшей и чувствовала за собой право давать советы остальным. - Ты, Джозефина, уже достаточно большая. Пора оставить мальчишеские замашки и научиться вести себя прилично. Пока ты была маленькой, еще куда ни шло. А сейчас посмотри, ты уже носишь прическу. И выглядишь как настоящая девушка.

- Никакая я не девушка! - упрямылась Джо. - А если все дело в прическе, лучше уж я буду до двадцати лет носить косички. - Она сорвала с головы сетку, и каштановые волосы тут же разлетелись веером. - Противно думать, что я когда-нибудь превращусь во взрослую мисс Марч. Надену длинное платье и стану чопорной, как индюк. Мне и так не повезло. Угораздило же меня родиться девочкой, когда я так люблю играть в мальчишеские игры! Всю жизнь жалею, что я не мальчик. А теперь еще больше. А то ушла бы воевать вместе с папой. Теперь вот сиди здесь и вяжи, точно древняя старуха!

Джо в сердцах так сильно встряхнула синий армейский носок, который вязала во время разговора, что спицы звякнули, а клубок шерсти покотился в угол.

- Бедная Джо! Наверное, тебе действительно не повезло. Но тут уж ничего не поделаешь, придется довольствоваться прозвищем. Впрочем, если хочешь, мы готовы считать тебя старшим братом, - сказала Бет.

При этом она ласково поглаживала Джо по густой шевелюре, и та могла убедиться, что несмотря на мытье посуды руки Бет остались по-прежнему нежными.

- Не могу похвалить и тебя, Эми, - продолжала Мег. - Ты впадаешь в другую крайность. Ты слишком чопорна и манерна. Пока это забавно, но если ты вовремя не остановишься, рискуешь превратиться в жеманную барышню. Как приятен человек, хорошо воспитанный и умеющий изящно выразить свои мысли! Ты же словечка в простоте не скажешь! Поверь, высокопарные речи звучат не лучше мальчишеского жаргона Джо.

- Итак, Джо - "сорванец", Эми - "жеманная барышня". Ну а я кто, по-твоему? - спросила Бет, готовая выслушать свою долю наставлений.

- Ты у нас прелесть, - ласково ответила Мег.

Никто из сестер не возразил. Бет, которую в семье звали Мышкой, была всеобщей любимицей.

А теперь, дорогие мои юные читатели, настало время хоть в общих чертах набросать портреты четырех сестер. Мы застали их декабрьским вечером за вязанием. В камине весело потрескивают дрова, а за окном идет снег.

Комната, в которой расположились сестры, обставлена самой простой мебелью, а ворс на ковре изрядно потерт. И все-таки здесь очень уютно. На стенах висят дорогие картины, в простенках высятся книжные полки, подоконники украшены хризантемами и рождественскими розами. Словом, по всему - настоящий семейный очаг.

Старшая сестра, шестнадцатилетняя Маргарет, очень хороша собой. Нежный овал лица, огромные глаза, красиво очерченный рот, густая шапка каштановых волос, красивые руки... Теперь вы представляете, что супруги Марч могут по праву гордиться своей старшей дочерью.

Джо, годом младше Мег, внешне являет полную ей противоположность. Высокая, худая, смуглая, она чем-то напоминает жеребенка. Она положительно не знает, куда девать свои длинные руки и ноги, и кажется, что они ей вечно мешают. Линия рта свидетельствует о решительности характера. А серые глаза

словно пронизывают собеседника насквозь. Глаза Джо выдают все, что у нее на душе. И так как настроение у нее часто меняется, во взгляде можно прочесть то насмешку, то задумчивость, а порой и ярость. Густые длинные волосы – пожалуй, единственное украшение ее внешности. Но Джо они мешают, и она забирает их под сетку.

Сейчас Джо в самом "неудачном" возрасте. Небрежность в одежде, неуклюжие движения – все выдает в ней подростка, который вот-вот превратится в девушку, но почему-то изо всех сил сопротивляется природе.

Элизабет, или, как все ее называют, Бет, – ясноглазая тринадцатилетняя девочка. Розовощекая, гладко причесанная, говорит тихим голосом, удивительно миролюбива. Вот почему отец прозвал ее Тихоней. Она действительно будто живет в своем особом мире и выходит из него только к тем, к кому питает любовь и уважение.

Эми, хоть и самая младшая, несомненно обладает самым сильным характером, да и достаточно высоко себя ставит. Белолицая, стройная, голубоглазая, с золотистыми кудрями до плеч, она держит себя несколько чопорно и во всем старается походить на настоящую взрослую леди.

Когда часы пробили шесть вечера, Бет подмела золу перед очагом и поставила к огню старые тапочки. Увидев это, девочки приободрились: скоро вернется Марми. Так сестры называли свою мать.

Мег оставила поучения и зажгла лампу. Эми тотчас освободила кресло, а Джо, позабыв об усталости, встала с ковра и подвинула тапочки ближе к огню.

– Они совсем износились, – заметила она. – Марми давно пора купить новые.

– Пожалуй, я это сделаю на свой доллар, – отозвалась Бет.

– Нет, я! – воскликнула Эми.

– Вы забываете, кто тут старший, – возразила Мег, но Джо не дала ей договорить:

– Нет уж! Когда папа уходил на войну, он сказал, что, пока не вернется, за мужчину в доме остаюсь я. Значит, и о маме в его отсутствие должна заботиться я. Так что новые тапочки – не ваша забота.

– Я предлагаю поступить так, – сказала Бет. – Себе мы в этот раз ничего покупать не будем.

Купим что-нибудь маме.

– Наша Бет верна себе! – воскликнула Джо. – Но что же мы купим маме?

Девочки на минуту задумались. Первой нарушила молчание Мег. Поглядев на свои красивые руки, она вдруг поняла, какой подарок больше всего обрадует мать.

– Я куплю ей перчатки, – сказала она.

- А я - самые крепкие тапочки! - воскликнула Джо.

- А я куплю флакон любимых маминых духов. Они стоят недорого, и у меня останутся деньги, чтобы купить что-нибудь себе, - добавила Эми.

- А как мы все это подарим? - поинтересовалась Мег.

- Разложим на столе, а потом позовем Марми - пусть разворачивает свертки, как это делаем мы в дни рождения.

- Я помню мои дни рождения, когда я была маленькая, - призналась Бет. - Почему-то страшновато было сидеть в кресле с короной на голове! Вы несете мне подарки, а я боюсь шевельнуться! А так хотелось скорее развернуть свертки!

Говоря это, Бет поджаривала на огне хлеб. От огня щечки ее разругались.

- Пусть мама думает, что мы собираемся покупать подарки себе. Вот будет сюрприз! За покупками пойдем завтра днем, правильно, Мег? Еще нам придется повозиться с рождественским представлением, - сказала Джо, горделиво расхаживая по комнате.

- Наверное, это последнее рождественское представление, в котором я буду участвовать. Я ведь уже выросла, - с грустью заметила Мег, которая обожала игру с переодеванием.

- Перестань! И дальше будешь прекрасно играть, - сказала Джо. - Так я и поверила, что ты откажешься расхаживать по сцене с распущенными волосами и в белом платье с украшениями из золотой фольги. Ты у нас лучшая актриса! Без тебя не будет ни одного представления. Сегодня нам надо обязательно порепетировать. Ну-ка, Эми, попробуй еще раз упасть в обморок. Прошлый раз у тебя неважно получилось. Ты была прямо как деревянная.

- Но что же мне делать? Я никогда не видела, как падают в обморок. А если упасть, как ты показываешь, набьешь синяков. Можно мне не падать? Лучше опуститься в кресло. Пусть тогда этот Хуго грозит мне пистолетом сколько угодно, - возразила Эми.

В отличие от старшей сестры, у Эми не было никакого актерского дарования. На роль в домашнем спектакле ее выбрали только за маленький рост и хрупкое телосложение. По ходу пьесы герою приходилось уносить ее со сцены, и сестры решили, что лучше Эми тут никого не придумает.

- Тогда попробуй так, - предложила Джо. - Заламывай руки и, шатаясь, неверными шагами, направляйся в комнату. Кричи: "Родриго! На помощь! Спаси меня!"

Мольба о помощи в устах Джо прозвучала столь натурально, что сестры поневоле вздрогнули.

Эми попыталась повторить, но у нее опять не вышло. Движения ее отличались такой скованностью, а крик прозвучал столь неестественно, что в лучшем случае можно было подумать, будто она уколола палец булавкой. Во всяком случае, смертельной опасностью тут и не пахло.

Посмотрев на эти жалкие потуги, Джо застонала от бессилия, а Мег расхохоталась. Увлеченная репетицией, Бет забыла про хлеб, который жарила на огне, и гренки подгорели.

- Безнадёжно, - развела руками Джо. - Постарайся хоть во время спектакля сыграть получше. Но предупреждаю: если зрители тебя освищут, они будут правы. И я в этом не виновата. Теперь давай ты, Мег!

Дело пошло гораздо лучше. Дон Педро бросил миру вызов, текст которого занимал в пьесе целых две страницы. Несмотря на это, Джо, исполнявшая роль донна Педро, ни разу не сбилась. Колдунья Хагар произнесла заклинания над котелком с волшебным варевом. Родриго сорвал с себя оковы, а Хуго, отравленный мышьяком, забился в судорогах. Он несколько раз истошно выкрикнул: "Ха! Ха!", а затем скончался.

- Отлично, - похвалила Мег, когда умерщвленный злодей, потирая ушибленный локоть, поднялся на ноги.

- Просто удивительно, Джо! - восхитилась Бет. - Ты сочиняешь такие отличные пьесы да еще умудряешься здорово играть в них. Ты у нас просто Шекспир!

Добрая Бет обожала сестер и была совершенно уверена, что все они по-своему гениальны.

- Ну уж, Шекспир, - заскромничала Джо. - Хотя эти "Проклятые колдуньи" действительно получились неплохо. А вообще-то мне очень хотелось бы сыграть леди Макбет. Жаль, у нас нет люка для Банко. Мне давно хочется поставить сцену убийства. "Не кинжал ли вижу я перед собой?" - продекламировала Джо, по примеру исполнителей трагических ролей закатывая глаза и ища руками опору в воздухе.

- Нет, это не кинжал! - со смехом воскликнула Мег. - Это всего лишь вилка для гренок, только вот не понимаю, почему на ней вместо хлеба мамина тапочка?

Тут все обратили внимание на Бет. Увлечшись репетицией, она действительно зацепила вилкой для гренок тапочку да так и сидела с ней перед камином. Дружный смех привел ее в чувство.

- Рада, что вы так веселитесь, девочка! - раздался голос матери.

Актеры и зрители, которых воплощала Бет, тут же повернулись к двери. Там стояла добродушная женщина, от которой веяло любовью и готовностью прийти на помощь каждому, кто в этом нуждается. Мать девочек не отличалась особенной красотой. Но для дочерей мать всегда прекрасна, и девочки не сомневались, что под серым плащом и вышедшим из моды капором скрывается самая привлекательная женщина на свете.

- Ну, как провели день, мои милые? А вот нам пришлось туго. Срочно отправляли посылки на фронт, целый день упаковывали. Я даже вырваться домой пообедать не смогла. Кто-нибудь заходил, Бет? А как твой насморк, Мег? Джо, у тебя усталый вид. Ну-ка подойди ко мне, милая.

Продолжая задавать вопросы, в каждом из которых сквозила истинно материнская забота, миссис Марч сняла мокрый плащ и ботинки и надела теплые тапочки. Устроившись в мягком кресле, она притянула к себе Эми и усадила ее на колени. Сейчас для миссис Марч наступало самое счастливое время суток.

Девочки суетились вокруг матери, каждая на свой лад заботилась, чтобы ей было удобно и спокойно.

Джо принесла дров и, опрокидывая и громыхая всем, чего касалась, принялась расставлять стулья. Бет бесшумно сновала из комнаты в кухню. А Эми, сложив руки, распоряжалась сестрами.

Когда они, наконец, уселись за стол, лицо миссис Марч просветлело, и она торжественно объявила:

- Похоже, у меня есть для вас сюрприз.

Сестры не отрывали от матери глаз; Бет, забыв о том, что держит в руках горячие гренки, захлопала в ладоши, а Джо, подбрасывая в воздух салфетку, крикнула:

- Письмо! Письмо от папы! Ура в папину честь!

- Да, - подтвердила миссис Марч. - Папа прислал длинное письмо. Очень хорошие новости. Здоров. Папа зря опасался холодов, он легко переносит их. Папа поздравляет нас всех с Рождеством, а вам, девочки, вложил отдельную записку. - И миссис Марч похлопала себя по карману с таким видом, будто там хранились несметные богатства.

- Доедайте скорее. А ты, Эми, поменьше бы любовалась своими пальчиками и побыстрее бы ела, - возмутилась Джо, давясь чаем и роняя на ковер гренок с маслом. Но сейчас было не до таких мелочей: ей не терпелось как можно скорее прочесть письмо.

У Бет от волнения пропал аппетит. Ей тоже не терпелось узнать, что пишет папа. Однако она не стала никого торопить. Устроившись в уголке, Бет терпеливо дождалась, пока остальные допьют чай.

- Наверное, не каждый на папином месте пошел бы на войну, - сказала Мег. - Ведь он уже не призывного возраста и имел полное право остаться дома. В особенности при его слабом здоровье. А он все-таки пошел полковым капелланом[3].

- Вот бы стать барабанщиком или санитаром! Тогда мы сейчас с папой были бы вместе! - мечтательно проговорила Джо.

- Как это, наверное, противно - спать в палатке, есть невкусную пищу и пить из оловянной кружки, - вздохнула Эми.

- Марми, а папа скоро вернется? - спросила Бет, и голос ее дрогнул.

- Через несколько месяцев, милая. Он намерен выполнить свой долг до конца - останется в армии, пока нужен. Нам не следует его торопить. А теперь слушайте письмо.

Все собрались у камина. Мать снова опустилась в большое мягкое кресло, Бет устроилась у ее ног, Мег и Эми сели на поручни кресла, а Джо перегнулась через спинку. Это был хитрый маневр, чтобы никто не заметил, если при чтении письма у нее выступят слезы.

В те трудные для нашей страны времена фронтовые письма отличались такой искренностью, что их невозможно было читать без слез. Но письмо мистера Марча было несколько иного рода. Он живописал особенности армейской жизни, военные походы и фронтовые новости. И лишь в конце письма, словно не в силах более сдерживаться, говорил о своей любви к дочерям, с которыми его разлучила война.

"Передай девочкам, что я их люблю. Расцелуй их от меня. Скажи, что я думаю о них днем, молюсь по ночам, а их привязанность ко мне - главное мое утешение. Когда я вспоминаю, что мне еще год предстоит быть в разлуке с дочерьми, год этот кажется мне вечностью. Передай девочкам, что в дни разлуки мы можем трудиться, и тогда время ожидания пройдет для нас не напрасно. Я не сомневаюсь: они помнят все, о чем мы говорили. Я просил девочек быть особенно нежными с тобой, помнить о своем долге, бороться с тем, что мы с ними называли "внутренними врагами". Уверен: когда я вернусь, я смогу гордиться своими дочерьми больше прежнего".

Тут прослезились все, и Джо не пришлось стыдиться того, что по ее носу скатилась огромная слеза. А Эми совсем не тревожилась по поводу своих растрепавшихся кудрей. Она уткнула мокрое от слез лицо в материнскую грудь и, всхлипывая, проговорила:

- Я знаю! Я слишком люблю себя! Но я постараюсь быть другой! Папа не разочаруется во мне.

- Мы все постараемся! - подхватила Мег. - Я, например, слишком обращаю внимание на свою внешность. И не люблю трудиться. Но я попробую взять себя в руки. Если, конечно, смогу.

- А я, как просил папа, постараюсь стать "маленькой женщиной", - сказала Джо. - Попробую быть помягче. И исполнять свой долг здесь, а не ждать неизвестно чего. Мне иногда кажется, что держать себя в руках дома куда труднее, чем сражаться с мятежниками на Юге.

Бет ничего не сказала. Она просто вытерла слезы голубым носком, который вязала для солдат-северян, и снова взялась за спицы. Не придумывая себе других обязанностей, она попросту решила, что чем больше будет работать, тем сильнее обрадуется отец, когда вернется домой.

- А помните, когда вы были совсем маленькие, вы играли в "Странствия пилигрима"? Как вы радовались, когда я вместо котомок привязывала вам на спину свои старые сумочки, а на головы надевала шапки! Потом в одну руку вы брали по палке, а в другую - свиток бумаги.

И пускались в странствие по дому. Начинали с подвала, это был Разрушенный город, и добирались до крыши – там у вас был Небесный град.

– Да, здорово! – тут же отозвалась Джо. – Мы проходили мимо Львов, вступали в битву с демоном бездны Аполлионом, а потом попадали в Долину гномов.

– А мне больше всего нравилось, когда мы сбрасывали с себя котомки, и они скатывались вниз по лестнице, – сказала Мег.

– А я всегда ждала, когда мы поднимемся на крышу. Там мы становились рядом между цветов, кустов и разных красивых вещей; нас освещало солнце, и мы пели хором.

– А я мало что помню про эту игру. Помню, как мне нравилось, когда мы забирались на крышу, ели пирог и запивали его сиропом. Жаль, что я уже выросла. Я бы с удовольствием поиграла в пилигримов, – сказала Эми, которая, едва ей исполнилось двенадцать, начала вполне серьезно утверждать, что пора уже ей оставить детские забавы.

– Ошибаешься, милая, – возразила миссис Марч. – В эту игру каждый человек играет до самой смерти. У каждого из нас есть свои ноши и дорога, а путь к Небесному граду безошибочно укажет нам стремление к добру и счастью. Пусть стремление это окажется сильнее невзгод и ошибок. Итак, дорогие мои, отчего бы вам снова не стать пилигримами? Только теперь не понарошке, а всерьез. Интересно, каких успехов добьется каждая из вас к папиному возвращению?

– Верно, мама. А где наши котомки? – осведомилась Эми, которая в силу своего возраста воспринимала все слишком буквально.

– Ваши котомки? – отозвалась мать. – Но ведь вы только что признались, какие недостатки вас угнетают. Вот это и есть ваши котомки, ваша ноша. С ними и отправляйтесь в "Странствия пилигрима". А Бет молчит. Видно, ее ничто не обременяет.

– Нет, мама. У меня есть своя ноша. Я не люблю мыть посуду и возиться с пыльными тряпками. Я завидую девочкам, у которых есть хорошие рояли. И еще я боюсь посторонних людей.

"Ноша" Бет показалась всем столь смехотворной, что и матери и дочерям стоило немалых усилий сохранить серьезный вид. И все-таки никто не позволил себе даже улыбнуться – они ведь знали, что это обидит Бет.

– Давайте попробуем, – задумчиво проговорила Мег. – Может, это и правда поможет нам стать лучше? Ведь каждая из нас хочет этого. Не так-то легко избавиться от своих недостатков. Мы ведь часто даже против воли ведем себя не так, как хотелось бы. А тут сама игра не даст нам забыть, и мы будем следить за собой.

– Ну да! Вот, например, сегодня мы были в Пучине отчаяния. А потом пришла Марми, и мы почувствовали, будто пришла Помощь и вызволила нас на свет. Нам надо сделать что-то вроде Свода устремлений, ну, как у христианина из

"Странствий пилигрима", - предложила Джо. - Только вот как? - задумалась она.

Джо очень понравилась эта идея. "Странствия пилигрима" придавали скучным домашним обязанностям увлекательность и даже таинственность.

- Загляните в рождественское утро под подушку. Там каждая найдет для себя Свод устремлений, - ответила миссис Марч.

Они так увлеклись этой затеей, что засиделись в столовой до той поры, пока старая служанка Ханна не пришла убирать посуду. Потом на свет извлекли четыре корзинки для рукоделия, и у девочек замелькали в руках иголки. Сегодня они подшивали простыни для тетушки Марч. Это была нудная работа, но почему-то никто не ворчал. Джо кое-что придумала, и вместо скучных и нескончаемо широких краев полотна перед мысленным взором девочек вдруг предстали континенты - Европа, Азия, Африка и Америка. Дело пошло веселее. Каждый рассказывал все, что знал о своем континенте, и за разговорами работа шла быстрее.

В девять вечера девочки, как обычно, отложили шитье и перед сном спели несколько песен. Бет, которая умела хорошо играть на стареньком фортепиано, аккомпанировала. Пальцы ее легко касались пожелтевших клавиш, извлекая нежные, чистые аккорды, а девочки пели незатейливые песни. Голос Мег звучал чище, чем флейта, и они вместе с матерью вели за собой маленький хор. Пение Эми смахивало на уютные рулады сверчка, а Джо вообще пела какие-то свои особые мелодии, и голос ее явно не способствовал слаженности хора.

И все-таки никакие оплошности не мешали семейству Марч ощущать в эти минуты перед сном подлинное блаженство. Безыскусные песни, которые они пели с тех пор, как едва научились говорить, сплывали их, и они как никогда чувствовали поддержку друг друга, и на душе у каждой становилось радостно и спокойно.

Кроме того, миссис Марч и впрямь обладала певческим даром. Первое, что слышали девочки, пробуждаясь, была песня матери. Голос ее лился свободно, без натуги, словно песня жаворонка. И засыпали девочки тоже под пение матери. Когда сестры подросли, они никак не хотели отказываться от колыбельной, которую так чудесно пела им миссис Марч.

Глава II

Рождество

Первой в рождественское утро проснулась Джо. Рассвет выдался серый, сумрачный. Джо глянула по привычке на каминную полку, где девочки всегда находили чулки с рождественскими подарками, но на этот раз она была пуста. На какой-то миг Джо охватило разочарование. Однажды она уже испытала его, когда была совсем маленькой: предназначенный ей чулок был туго набит, так туго, что от тяжести свалился на пол, а Джо решила, что ей единственной ничего не подарили. Правда, сейчас она недолго предавалась грусти, вспомнив, что мама советовала заглянуть под подушку. Джо так и поступила - вот он, томик в красном переплете.

О, Джо прекрасно знала эту книгу! В ней рассказывалось о жизни столь добродетельной, что, без сомнения, любой "пилигрим" мог пользоваться ею как путеводителем и найти в ней выход из самых трудных ситуаций. Это было Евангелие.

Джо тут же побежала будить Мег. Растолкав сестру и пожелав ей счастливого Рождества, она посоветовала ей заглянуть под подушку – и тут же на свет появился еще один экземпляр Евангелия, в зеленом переплете. Вслед за Мег проснулись Бет и Эми. Одной из них досталось Евангелие в сером переплете, другой – в синем. В каждой из четырех книг была дарственная надпись матери, что придавало подарку особенную ценность.

Потом сестры принялись рассматривать книги. Тем временем небо на востоке порозовело, и в комнате стало совсем светло.

– Девочки, – сказала Мег и по очереди посмотрела на каждую из сестер. – А ведь мама не просто так подарила каждой из нас Евангелие. Она хочет, чтобы мы побольше читали его и думали. С тех пор как папа ушел на войну, мы все немного распустились. Не знаю, как вы, а я положу свою книгу на тумбочку возле кровати и буду каждое утро читать хоть по несколько страниц. Уверена, мне будет о чем поразмыслить в течение всего дня. А первые страницы я прочту прямо сейчас.

Мег была не чужда тщеславия, что, впрочем, не мешало ей оставаться доброй и набожной. Сестры любили и слушались ее. Даже строптивая Джо всегда смирялась перед мягкостью и редким тактом сестры.

Мег открыла книгу и стала читать. Джо тоже углубилась в чтение, обняв старшую сестру за плечи, и на необычайно подвижном лице ее воцарилось выражение сосредоточенности.

– Наша Мег просто молодчина. Давай, Эми, и мы начнем читать свои книги, – тихо сказала Бет, которую решение двух старших сестер восхитило не меньше, чем подарок матери. – Мы будем читать вместе. Если тебе, Эми, встретятся трудные слова, я помогу, а если и я не пойму, Мег или Джо нам объяснят.

– Как здорово, что моя книга синяя, – сказала Эми.

Потом стало очень тихо. Даже страницы девочки переворачивали почти без шелеста. Они так увлеклись, что не заметили, как прошло полчаса.

– Но где же Марми? – удивилась Мег, когда, закрыв наконец книги, сестры спустились вниз поблагодарить мать.

– Понятия не имею, – ответила Ханна. – К нам пожаловало какое-то несчастное существо, и ваша матушка тут же побежала помогать. Никогда еще не видела женщины, которая так любила бы разбазаривать продукты, одежду и топливо.

Ханна жила в семье Марч с самого рождения Мег, и семейство давно перестало считать ее служанкой. Марчи относились к Ханне как к близкой родственнице.

– Мама, наверное, скоро придет, – сказала Мег, – так что давайте пока все приготовим. – И Мег кинула выразительный взгляд на корзину с подарками,

которую сестры до поры до времени спрятали под диван. – А где же флакон духов?

– Эми только что взяла его, – объяснила Джо, которая, надев новые тапочки, танцевала, чтобы размять их. – Наверное, она надумала обвязать его ленточкой.

– Мои носовые платки выглядят совсем неплохо, правда? Я попросила Ханну выстирать их и выгладить, а потом сама вышила метки. – И Бет горделиво посмотрела на не слишком-то ровные буквы, которые тем не менее потребовали от нее немало труда.

– Милый ты мой ребенок, – засмеялась Джо, разглядывая платочек. – Вместо "Марч" вышила "Мама"!

– А что? – расстроилась Бет. – Я думала, так лучше. Вот у Мег ведь тоже инициалы "М. М.", а мне хотелось, чтобы всем сразу было понятно, что эти платки мамины.

– Правильно, милая. Ты очень хорошо все придумала. Так действительно будет лучше. Уверена, маме твои платки очень понравятся, – успокоила девочку Мег.

Она ласково улыбнулась Бет и кинула осуждающий взгляд на Джо.

Тут дверь в прихожей хлопнула, и в коридоре послышались шаги.

– Мама идет! – крикнула Джо. – Прячьте скорее корзину!

Но это была не мама, а Эми. Сестры недоуменно смотрели на нее; смущенная их пристальными взглядами, Эми опустила голову.

– Где ты была и что прячешь за спиной? – спросила Мег.

Поступок сестры очень ее удивил. Поразительно! С утра пораньше Эми уже куда-то сбегала!

– Только пусть Джо не смеется надо мной, – отозвалась Эми. – Я просто не хотела, чтобы вы узнали раньше времени. Я сбегала в магазин и обменяла маленький флакон духов на большой. Теперь я истратила все свои деньги. Не хочу быть эгоисткой!

И Эми с гордостью продемонстрировала новый нарядный флакон. Он действительно выглядел куда внушительнее прежнего.

Во всем облике Эми чувствовалась искренняя радость и гордость тем, что она сумела преодолеть себя. Мег тут же подошла к ней и ласково обняла за плечи. Джо объявила, что Эми просто молодец, а Бет подошла к окну, где стояли горшки с цветами, и сорвала свою самую лучшую розу, чтобы украсить новый флакон.

– После того как мы почитали утром, мне стало стыдно... Вот я и побежала в лавочку... Я так рада, что успела... Теперь у меня самый красивый подарок.

Тут входная дверь снова хлопнула, и корзина опять была отправлена под диван, а девочки быстро уселись за стол.

– Счастливого Рождества, Марми! Поздравляем! Спасибо за книги! Мы уже начали их читать.

Теперь будем читать каждое утро! – перебивая друг друга, выпалили сестры.

– Счастливого Рождества, дочки! Хорошо, что вы уже начали читать. Правильно, продолжайте каждое утро. Но пока мы не сели завтракать, мне нужно вам кое-что сказать. Недалеко отсюда живет одна несчастная женщина. У нее совсем недавно родился малыш, а шестеро старших детей вынуждены спать в одной постели, чтобы хоть как-то согреться. У них нет ни еды, ни дров, чтобы развести огонь. Старший мальчик зашел утром и рассказал, как они бедствуют. И вот что я хотела вам предложить, дети. Давайте отдадим им наш праздничный завтрак. Пусть это будет для них подарком к Рождеству.

Девочки не ответили, они долго ждали завтрака, и им очень хотелось есть. И все-таки, помолчав, Джо отчетливо произнесла:

– Хорошо, что ты успела до того, как мы начали завтракать!

– А можно и мне пойти? – спросила Бет. – Я помогу нести еду для бедных детей.

– Я отнесу им сливки и булочки, – решительно заявила Эми.

Тот, кто знал Эми, мог по достоинству оценить этот акт самопожертвования: сливки и булочки были ее самым любимым лакомством.

Тем временем Мег сложила в миску гречневые оладьи и теперь укладывала ломти хлеба на большое блюдо.

– Вижу, я в вас не ошиблась, – сказала миссис Марч и улыбнулась. – Думаю, мы пойдем все вместе. Вы поможете мне, а потом мы вернемся домой и позавтракаем хлебом с молоком. В конце концов, до обеда останется не так уж много времени. Думаю, не умрем с голода.

Вскоре все было готово, и семейство Марч отправилось в путь. Со стороны утреннее шествие с рождественским завтраком в руках могло показаться достаточно забавным. Но, к счастью для нашей маленькой процессии, люди еще не вышли на улицу, и, так и не погнавшись никому на глаза, семейство переулками добралось до цели.

Вошли в нищенское жилище. Такого убожества девочкам еще не приходилось видеть! Выбитые окна, потухший очаг, ветхое тряпье на кровати, а под ним – больная женщина с орущим младенцем и голодные ребятишки постарше.

Какой радостью засветились лица этих несчастных, когда они увидели, что принесли им девочки!

– О, майи готт! Верно, это сами ангелы снизошли до нас! – воскликнула женщина, и на глаза ее навернулись слезы.

- Хороши ангелы в варежках и капюшонах! - усмехнулась Джо.

Ее слова были встречены дружным смехом.

Несколько минут спустя казалось, что в доме и впрямь потрудились добрые духи. Ханна принесла дрова и развела огонь в очаге, а потом, пустив в ход старые шляпы и собственную шаль, законопатила дыры в оконных проемах. А миссис Марч перепеленала малыша и угостила кашей и горячим чаем больную женщину, уверив ее, что не оставит их в беде.

Девочки накрыли стол и, рассадив детей вокруг пылающего очага, угощали их. Позавтракав, ребяташки принялись весело болтать, перемежая английские и немецкие слова, и девочки Марч с трудом понимали эту причудливую мешанину.

- Как хорошо! Дети-ангелы принесли нам поесть! Теперь у нас сытость в животах и тепло вот тут, - твердили несчастные дети, непрерывно работая челюстями и протягивая руки к весело потрескивающему пламени.

Никто еще не называл девочек Марч ангелами, и теперь, слыша о себе такое, они были довольны. В особенности это понравилось Джо, которую с рождения, кажется, иначе как сорванцом не величали. Словом, несмотря на то, что у сестер с самого утра не было и маковой росинки во рту, завтрак пришелся им по душе. Конечно, девочки были голодны, но, вернувшись домой и позавтракав хлебом с молоком, каждая из них чувствовала, что одержала победу.

- Наверное, это и значит: "Возлюби ближнего твоего, как самого себя", - сказала Мег. - Вроде сегодня у нас это вышло.

Воспользовавшись тем, что миссис Марч поднялась наверх собрать одежду для семейства Хуммелей (тех самых несчастных, кого они навещали утром), девочки достали из-под дивана корзину и разложили подарки.

Конечно, в лучшие времена семейство Марч знавало куда более богатые подарки на Рождество, но в свои маленькие пакетики девочки вложили столько любви, а высокая ваза с красными розами и белыми хризантемами придавала скромным дарам такую нарядность, что выглядело все очень празднично.

- Идет! Идет! Садись, за рояль, Бет! А ты, Эми, открой маме дверь. Ура в честь Марми! - закричала Джо, прыгая от нетерпения.

Бет заиграла веселый марш, Эми распахнула дверь, а Мег не спеша провела миссис Марч по столовой и усадила на почетное место.

Миссис Марч очень тронули приготовления в ее честь. Она разглядывала подарки, читала записки, которые дочери вложили в пакетики, и в глазах у нее стояли слезы. Она немедленно надела новые тапочки, смочила духами Эми и отправила в карман платья один из платков с вышитыми инициалами, примерила перчатки, которые, по ее словам, оказались совершенно впору, и, наконец, приколола к платью лучшую розу, которой, как мы помним, девочки украсили флакон с духами.

Потом последовали поздравления, поцелуи, объятия, смех - словом, все то, что сопутствует семейным торжествам и придает им особое обаяние.

Когда же веселье несколько угасло, все принялись за дело. Утреннее путешествие и вручение подарков отняли так много времени, что остатка дня едва хватало на приготовление к вечернему торжеству.

Девочкам нечасто удавалось попасть в театр. Скромные средства не позволяли ставить домашние спектакли с той пышностью, с какой бы им хотелось. Но, памятуя о пословице, гласящей, что голь на выдумки хитра, сестры проявляли изобретательность и умудрялись ставить спектакли, делая собственными руками все, что требовалось для воплощения пьесы.

Многие из этих поделок впечатляли остроумием и находчивостью. Гитары из папье-маше, старинные лампы из отслуживших свой век старых соусников, обернутых серебристой фольгой; на царственные мантии шли старые простыни, украшенные блестками, которые девочки вырезали из жестяных консервных банок. Материалами для рыцарских лат служили все те же консервные банки; латы изготовлялись из нескольких жестяных крышек, хитроумно скрепленных воедино.

Мебель переворачивали вверх ногами или переставляли, и в результате комната превращалась в подобие маленького театра, на сцене которого девочки разыгрывали разнообразные представления.

Мальчиков до участия в домашних спектаклях не допускали, и все мужские роли играла, к вящему своему удовольствию, Джо. Надо было видеть, с каким восторгом натягивала она на себя некогда черные сапоги, кожа которых давно порыхтела от старости. Сапоги пожертвовала ей подруга, а у той, в свою очередь, была подруга, знакомая с настоящим актером. Вот эти-то сапоги, а также старая рапира для фехтования и продырявленный камзол, когда-то служивший художнику, который писал картину на рыцарский сюжет, составляли главные сокровища Джо, и она использовала их в каждом спектакле.

Немногочисленность семейной труппы Марчей вынуждала двух главных исполнительниц играть в каждой пьесе по несколько ролей. Они не жалели сил на заучивание и, конечно, заслуживали всяческой похвалы. Впрочем, выучить роли – еще полдела. Мег и Джо носились по сцене как угорелые – меняли костюмы, переставляли декорации. Словом, занятие это требовало от них немало сил.

И вот наступил рождественский вечер. На кровати, которой была отведена роль партера, уселись приглашенные. С волнением, чрезвычайно льстившим исполнителям, девочки взирали на желто-синий ситцевый занавес, из-за которого доносились шорохи, таинственный шепот и смех – это Эми была не в силах соблюдать тишину за кулисами.

Но вот зазвенел колокольчик, занавес открылся, и представление началось. Дремучий лес изображали домашние цветы и зеленая бязевая ткань, расстеленная на полу. В глубине сцены виднелась пещера, верхняя часть которой была сделана из рамы для сушки белья, а боковые стены – из двух комодов. В пещере ярко пылал огонь, над ним висел котел, подле сидела ведьма. Сцену окутывал мрак, и отблеск пламени как нельзя лучше создавал нужную атмосферу. Ведьма сняла крышку с котла, в воздух поднялся пар, и зрители в восторге захлопали. Когда аплодисменты утихли, на сцену вышел злодей Хуго в лихо заломленной шляпе. Кроме того, на нем были сапоги и глухой плащ, который очень подходил к густой черной бороде. Висевшая на

боку шпага глухо позвякивала. Хуго пребывал в великом волнении. Продефилировав несколько раз по сцене, он вдруг хлопнул себя по лбу и разразился бурной тирадой, в коей повел речь о том, как любит Зару и как кипит ненавистью к Родриго. Потом он поведал публике о своих великих планах на ближайшее будущее – он намеревается покончить с Родриго и завоевать сердце Зары. Хуго говорил грубым голосом, а когда его одолевали особенно бурные чувства, срывался на крик. На зрителей этот персонаж произвел не менее сильное впечатление, нежели огонь в пещере, и стоило злодею сделать паузу, как зал разразился аплодисментами.

Злодей Хуго раскланялся с таким видом, точно аплодисменты для него – дело привычное. Потом он подошел к пещере и властным голосом произнес:

– Подойди ко мне, служанка!

Тут на сцене появилась Мег. Пряди из серого конского волоса свисали ей на лицо, а красно-черный балахон, усеянный каббалистическими знаками, и клюка довершали облик колдуньи. Хуго потребовал у ведьмы приворотного зелья, с помощью которого рассчитывал покорить Зару, и одновременно зелья смертельного, коим собирался умертвить Родриго. Колдунья Хагар ответила полной драматического накала тирадой, пообещав доставить злодею и то, и другое. Она возвала к духу, ведающему любовными напитками:

Прилети сюда, как пух,

Принеси напиток, дух!

Из росы и из цветов

Мне его ты приготовь

И доставь сюда быстрее.

Ну, лети же поскорей!

Тут зазвучала нежнейшая музыка, и из пещеры вышло златокудрое создание с крылышками, в белых одеяниях и с венком роз на голове. Размахивая волшебной палочкой, существо запело:

Я летел с вышины,

Прямо с самой Луны,

Вам я чары принес до утра.

Пусть послужат вам ночь,

Чтоб беду превозмочь.

Их принес я во имя добра!

Крылатый дух бросил к ногам колдуньи позолоченный флакон и исчез, а колдунья пропела еще одно заклинание.

Вдруг на сцене появился призрак в безобразных лохмотьях и черном гриме. Прохрипев что-то в ответ, он бросил под ноги Хуго черный пузырек и, разразившись демоническим хохотом, с шумом прыгнул за кулисы.

Хуго громко поблагодарил колдунью и, заткнув пузырьки за голенища сапог, отправился восвояси.

Колдунья не преминула сообщить почтенной публике, что злодей Хуго уже прикончил нескольких ее друзей; она проклинает Хуго и не пожалеет сил для отмщения.

Словом, после заявления колдуньи никто из публики не сомневался, что планам злодея не суждено осуществиться. Занавес закрылся, и зрители, посасывая леденцы, принялись наперебой обсуждать спектакль.

Из-за задвинутого занавеса довольно долго доносился стук молотка, и зрители начали было жаловаться на то, что антракт затягивается. Но вот занавес раздвинулся, и зрители могли оценить титаническую работу декораторов перед вторым действием.

На сцене до самого потолка высилась башня с горящей лампой в окне. Из-за белых занавесок выглядывала Зара, облаченная в голубое платье с серебряными блестками, – она поджидала своего возлюбленного.

Вскоре он явился. На Родриго были берет с пером и красный плащ. Из-под берета выбивались каштановые кудри, в руках он держал гитару, ну и, разумеется, обут он был все в те же знаменитые сапоги.

У подножия башни Родриго преклонил колена и сладостным голосом исполнил серенаду. Зара ответила ему песней, в которой выразалось согласие бежать с ним хоть на край света.

И тут наступил самый эффектный момент спектакля. В руках у Родриго появилась веревочная лестница с пятью ступенями. Один конец Родриго закинул в окно и попросил Зару спуститься вниз. Но бедная Зара забыла, что одета в платье с длинным шлейфом! Эта оплошность ей дорого стоила. Шлейф зацепился за подоконник, башня закачалась и неожиданно обрушилась на несчастных возлюбленных.

Зрители ахнули, а из-под обломков показались порыжевшие сапоги донна Родриго и златокудрая голова его прелестной возлюбленной.

– Я же тебе говорила! Так я и знала! Так и знала! – с укоризной твердила Зара.

Неизвестно, чем бы все кончилось, не прояви дон Педро, жестокосердный отец Зары, неожиданную находчивость. Стремглав выбежав на сцену, он грубо схватил дочь за руку и потащил в сторону от возлюбленного.

– Делай вид, что так и надо, и не вздумай смеяться, – шепнул он ей на ухо, а вслух сурово отчитал Родриго за нанесенный урон, приказав покинуть пределы его королевства.

Родриго остался глух к словам почтенного джентльмена. Пример его оказался заразителен. Вдохновленная мужеством возлюбленного, Зара заявила, что не покинет дон Родриго. И тогда тиран-отец распорядился бросить обоих в подземелье. Он вызвал тюремщика с цепями, и тот увел строптивых влюбленных. Вид у тюремщика был крайне испуганный – создавалось впечатление, будто он забыл произнести отведенные ему в пьесе слова.

Третий акт трагедии развернулся в зале замка. Снова явилась колдунья Хагар. Она горела желанием освободить влюбленных и покончить с проклятым Хуго. Услышав его шаги, она подсмотрела, как он подмешивает зелье в кубки с вином.

Сделав свое черное дело, Хуго велел робкому тюремщику передать влюбленным кубки.

– Скажи, пусть ждут меня, я приду и освобожу их, – произнес коварный лицемер.

Продолжая что-то обсуждать, Хуго и слуга отошли в сторонку, а Хагар в это время подменила отравленные кубки другими – с чистым вином. И только после того как операция полностью завершилась, слуга Фердинандо вспомнил о поручении Хуго и понес вино двум узникам.

Тут настал волнующий момент. Увидев, что Хуго и сам решил смочить горло, Хагар незаметно поставила на стол кубок, который злодей уготовил несчастному Родриго.

Хуго неспешно осушил кубок и тотчас с безумным видом заскакал по сцене. Это продолжалось довольно долго. Хуго наконец упал и, корчась, замер, что должно было означать гибель злодея.

Все время, пока злодей бился в предсмертных муках, Хагар исполняла чрезвычайно назидательную песню, в которой подробно объяснялось, за какие грехи он наказан.

Словом, сцена была впечатляющая. Правда, эффект несколько снизился из-за того, что у умирающего неожиданно выбились из-под шляпы длинные каштановые волосы. Но Джо не растерялась. Она выбежала со сцены, а секунду спустя появилась вместе с Хагар, чья песня стоила всей пьесы. Раздались аплодисменты, и оплошность с прической была совершенно забыта.

Но не надо думать, что это была последняя сильная сцена. Публике еще предстояло пережить множество волнующих моментов.

Чего, к примеру, стоила сцена, в коей Родриго, услышав лживую весть, будто Зара отказывается от него, вознамерился вонзить себе в сердце кинжал! Он уже приставил клинок к груди, и тут мелодичнейший голос из-за кулис уведомил несчастного страдальца, что Зара верна ему. Тут бы публике немного передохнуть от волнений, но нет – стремительное действие повергает зал в новые переживания. Тот же голос из-за стены сообщает об ужасной опасности, которая нависла над Зарой. Правда, Родриго может спасти девушку. Владелец голоса не только посоветовал, но и помог Родриго

осуществить спасение. Откуда ни возьмись, у ног нашего пылкого героя появился ключ от темницы. Родриго немедленно сорвал с себя цепи и, отворив дверь подземелья, кинулся на выручку Заре.

А пятый акт! Какая бурная сцена разыгралась между Зарой и доном Педро! Тиран-отец требовал, чтобы дочь немедленно ушла в монастырь, но стойкая девушка и слушать об этом не хотела. Она нежно, но твердо молила отца пощадить ее и, так как он отказался это сделать, собиралась упасть в обморок, но в тот самый момент вбежал дон Родриго и потребовал у дона Педро руки Зары.

Они принялись яростно бороться, но даже эта беспощадная битва не привела к согласию: дон Педро изрядно смущало, что дон Родриго беден, а тот не желал мириться с тем, что отсутствие средств препятствует его семейному счастью. В знак протеста дон Родриго решил увезти Зару силой, но в это время в залу вошел слуга и передал мешок и письмо от колдуньи Хагар, внезапно исчезнувшей из замка. В письме говорилось, что она завещает юным влюбленным несметные сокровища.

Одновременно Хагар обращалась к дону Педро, суля грозному отцу Зары страшные напасти, если он и впредь будет мешать счастью дочери.

Развязали мешок, из него высыпалось такое количество жестяных монет, что они усеяли всю сцену. Разумеется, эта куча денег не оставила равнодушным дона Педро, который сразу утратил свою суровость и дал согласие на брак дочери.

Все принялись петь благодарственную песнь, и занавес опустился в тот момент, когда молодые, стоя на коленях, получали от дона Педро благословение.

Бурные аплодисменты сотрясали зал, но тут произошла еще одна неприятность. Складная кровать, на которой расположился "партер", неожиданно рухнула, и зрители попадали на пол. Дон Родриго и дон Педро проворно бросились им на выручку, так что никто не пострадал, если не считать зрителей, которые настолько ослабели от хохота, что едва могли стоять на ногах. Не успела утихнуть вся эта суматоха, как в комнате появилась Ханна.

– Миссис Марч просит молодых леди отужинать с нами, – торжественно объявила она.

То, что ожидало всех в столовой, ошеломило не только гостей, но и сестер Марч. Конечно, они знали, как любит их Марми потчевать гостей, но такого угощения в своем доме девочки не видели с тех пор, как их семья потеряла достаток. На столе стояли разнообразные печенья, блюдо с белым и розовым мороженым, французские конфеты. Украшали рождественский стол четыре вазы с цветами.

Девочки застыли в изумлении, а мать отвечала им счастливым взглядом.

– Какие феи здесь побывали?! – ахнула Эми.

– А может, это все Санта-Клаус? – воскликнула Бет.

- Нет, это наша мама, - сказала Мег, и сквозь седую бороду, которую она не успела снять после спектакля, проступила улыбка.

- Видно, нашу тетушку Марч хватил припадок доброты, и она отгрохала нам ужин! - воскликнула Джо, выразив восторг в своей излюбленной грубовато-мальчишеской манере.

- А вот и не угадали, - ответила миссис Марч. - Все это прислал мистер Лоренс.

- Дедушка того мальчика? - удивилась Мег. - Но как это пришло ему в голову? Мы ведь даже не знакомы с ним.

- Ханна рассказала одной из его служанок, как мы сегодня завтракали. Старого чудака эта история очень позабавила. Много лет назад он водил дружбу с моим отцом. Он напомнил мне об этом в записке, которую прислал сегодня днем. А написал он, чтобы спросить, не буду ли я против, если он в ознаменование праздника пришлет моим детям сладости. Ну как же я могла ему отказать! Зато теперь у вас настоящее Рождество. Можете считать, что получили это в награду за скромный завтрак.

- Тот самый мальчик ему посоветовал. Замечательный человек! Жаль, что мы не знакомы. Мне кажется, он бы не прочь с нами познакомиться, только стесняется. Я хотела заговорить с ним, но Мег не позволила. А чего тут такого, раз он все равно проходил мимо! - выпалила Джо.

Тем временем гостям раздали тарелки, и в сопровождении восторженных охов и ахов мороженое стало исчезать.

- О ком ты говорила? - спросила одна из приглашенных девочек. - Это ваши соседи? Моя мама знакома с мистером Лоренсом. Он очень заносчивый старик, надменный, ни с кем из соседей не знается. И внука своего никуда не пускает. Бедному мальчику разрешается только кататься на пони или гулять с воспитателем. Вот и все. Дед все время заставляет его заниматься. Мы приглашали его в гости, но он не пожелал. Мама считает, он хороший мальчик, но он никогда не разговаривает с девочками.

- Ничего подобного! - решительно возразила Джо. - Однажды у нас пропала кошка, а он ее нашел и принес. Потом он стоял у забора, и мы отлично поговорили о крокете и о других вещах, а когда подошла Мег, он сразу ушел. Ничего, я все равно подружусь с этим мальчиком. По-моему, он помирает от скуки. Должен же человек с кем-нибудь общаться!

- По-моему, этот мальчик хорошо воспитан, - поддержала Джо миссис Марч. - Он держит себя как джентльмен. Думаю, вам действительно стоит познакомиться с ним поближе. Эти цветы принес сегодня он. Знала бы я, что у вас делается наверху... Надо было его пригласить. Он услышал, какой шум доносится от вас. Видно было, что ему очень не хочется уходить. Он, конечно, ничего не сказал, но, когда прощался, у него сделалось такое грустное лицо... Мне показалось, ему живется не очень весело.

- Ты права, - улыбнулась Джо и, критически оглядев свои сапоги, добавила: - Не надо было сегодня его приглашать. Мы сделаем по-другому. Поставим

новый спектакль специально для него и позовем его. Может, он сам согласится играть? Вот было бы здорово!

- Никогда еще мне никто не дарил букетов, - сказала Мег. - Какие красивые цветы!

- Цветы прекрасные, но розы Бет мне все равно дороже, - отозвалась миссис Марч и понюхала розу, которая по-прежнему украшала ее платье.

Бет ласково прижалась к матери:

- Жаль, что нельзя послать папе букет.

Боюсь, ему выдалось не такое веселое Рождество.

Глава III

Лоренс-младший

- Джо? Где ты, Джо? - звала Мег, стоя у чердачной лестницы.

- Я тут, - не сразу донесся сверху сдавленный голос.

Мег взбежала на чердак и нашла Джо на ее любимом месте.

Закутавшись в плед, она сидела на софе с отломанной ножкой, лила слезы над романом Шарлотты Лонг "Наследник Редклифа" и одновременно ела большое яблоко. Джо всегда уединялась сюда, прихватив интересную книгу и с полдюжины яблок. Здесь ей ничто не мешало, и она вдоволь наслаждалась чтением и тишиной.

На чердаке жила крыса. Они с Джо давно привыкли друг к другу, и славное животное охотно откликалось на кличку Скребл. Сейчас Скребл тоже наслаждалась обществом своей юной подруги, и лишь появление Мег вынудило ее скрыться в норке. Джо оторвалась от чтения и, вытирая ладонью слезы, вопрошающе посмотрела на сестру.

- Угадай, от кого мы только что получили приглашение? От миссис Гардинер! Завтра она ждет нас к себе. - Мег торжествующе помахала перед носом у Джо бумажкой, затем развернула ее и прочла вслух: - "Миссис Гардинер будет счастлива видеть мисс Маргарет Марч и мисс Джозефину Марч на маленьком новогоднем балу". Марми сказала, что отпускает нас. Вот только что мы наденем?

- А чего гадать понапрасну? - И Джо обиженно надула губы. - Сама прекрасно знаешь: кроме поплиновых [4] платьев у нас ничего нет.

- Как мне хочется шелковое платье! - вздохнула Мег. - Мама обещает, когда мне исполнится восемнадцать лет... Но до этого еще два года ждать...

- Впрочем, наши поплиновые платья выглядят не хуже шелковых. Они достаточно нарядны. Особенно твое, Мег. Совсем как новое. Вот с моим дело обстоит хуже. На нем появилась дыра, я его подпалила. Что делать, прямо ума не приложу. Подпалина очень заметна.

- А ты сиди в гостях смиренно! И не поворачивайся спиной! Спереди-то оно нормальное. Я вплету в волосы новую ленту, а мама даст мне свою жемчужную булавку. Бальные туфли у меня новые и выглядят прелестно. Перчатки не в очень хорошем состоянии, но и они сойдут.

- А на моих пятна от лимонада. Новые мне купить не на что, придется обойтись вообще без них, - сказала Джо, которая, впрочем, никогда не придавала особенного значения одежде.

- Или ты наденешь перчатки, или я вообще никуда не пойду, - строго предупредила Мег. - Перчатки самое главное. Без них нельзя танцевать. Что же ты, просидишь на балу весь вечер без танцев?! Да я просто стору из-за тебя от стыда.

- Ну и что, если я не буду танцевать? Ты же знаешь, я не очень люблю бальные танцы. Что это за танцы, где нельзя как следует покружиться и попрыгать?

- Н-да, - задумчиво произнесла Мег и, пропустив мимо ушей тираду Джо по поводу танцев, принялась рассуждать вслух, как выйти из положения. - У мамы нечего и просить. Она говорит, что ты не умеешь обращаться с перчатками, и больше она не будет тебе их покупать. Кроме того, это действительно дорого. Слушай, а если их почистить?

- Можно держать их в руках, - предложила Джо. - И пятен никто не заметит. Хотя нет, есть еще один выход. Ты мне даешь одну свою перчатку, а я тебе - свою. Твои, хорошие перчатки, каждая из нас наденет на одну руку. А мои, плохие, мы будем держать в руке. Тогда пятен не будет видно. Ясно?

- Но у тебя рука больше моей. Перчатка растянется, - сказала Мег, которая очень ревностно следила за состоянием своих перчаток.

- Тогда я пойду без перчаток. Мне-то, в отличие от тебя, безразлично, что про меня скажут! - крикнула Джо и снова взялась за книгу.

- Ладно, уговорила! Только, чур, не пачкать мою перчатку и вообще постарайся вести себя прилично. Не держи руки за спиной. Не глазами на людей и не кричи как оглашенная! Договорились?

- За меня можешь не волноваться. Постараюсь быть паинькой и надеюсь, что в этот раз ни с кем пререкаться не стану. Так что иди скажи, что мы принимаем приглашение, а я пока дочитаю. Чудесная книга! Мне очень хочется узнать, чем тут все кончится.

Мег пошла сказать, что они с благодарностью принимают приглашение. Потом внимательно осмотрела платье и надумала подшить к нему кружевную оборку. Весело напевая, она тут же принялась за дело.

Джо тоже не зря провела время. Она дочитала книгу, съела еще четыре яблока и напоследок успела поиграть с крысой Скребл, которая вышла из укрытия тотчас после того, как Мег покинула чердак.

Перед самым Новым годом гостиная Марчей опустела. Младшие сестры взяли на себя роль костюмерш, а старшие с их помощью сосредоточенно готовились к выходу в свет. Несмотря на то что наряды их не отличались изысканностью, облачение сопровождалось лихорадочной беготней, смехом, спорами, и, наконец, по всему дому разнесся запах паленых волос. Это Мег решила, что ей очень пойдут локоны. Джо вызвалась поправить прическу сестры горячими щипцами.

- Волосы всегда так дымятся при завивке? - любопытствовала Бет, которая взобралась на кровать и с интересом наблюдала за действиями Джо.

- Конечно! Это влага испаряется, - невозмутимо ответила Джо.

- И все-таки странный запах! Как курицу на огне палят, - заметила Эми и самодовольно поправила собственные кудряшки.

- Ну а теперь я сниму с нее папильотки, и наша Мег вся будет в мелких кудряшках.

Джо принялась снимать с Мег папильотки, но обещанных кудряшек не получилось. Папильотки снимались вместе с волосами! Выкатив глаза от ужаса, Джо аккуратно сложила бумажки с обгорелыми волосами на столик, и теперь Мег получила возможность воочию оценить результаты труда незадачливой парикмахерши.

- О-о-о! Что ты наделала? Все кончено! Я не смогу выйти из дома! - стонала Мег, разглядывая обгоревшую челку.

- Вечно мне не везет! - горестно вздохнула Джо. - И зачем только ты просила сделать прическу? Ты же знаешь - я всегда все порчу! Понимаешь, щипцы были слишком горячие. В этом все дело.

- Да не расстраивайся, - принялась утешать Эми. - Надо завить волосы и перехватить их лентой, чтобы концы падали на лоб. Получится очень модная прическа. Я видела, многие девушки так ходят.

- Я сама во всем виновата, - сокрушалась Мег. - Вот что бывает, когда непременно хочешь выглядеть лучше. Ведь у меня была вполне приличная прическа.

- Я тоже так считаю. Тебе очень идут гладкие волосы. Тем более, что они у тебя красиво лежат. Ну ничего, волосы быстро отрастают, - спешила Бет успокоить сестру.

Чуть позже, пройдя сквозь ряд новых испытаний, ни одно из которых, впрочем, не дотягивало до размаха бедствия с прической, Мег была готова к выходу.

Объединенными усилиями всего семейства привели в порядок и Джо. Волосы ей забрали в пучок, а потом девочку облачили в платье.

Словом, сестры совсем неплохо выглядели в своих простых нарядах. На Мег было серебристо-серое платье с кружевной оборкой. Волосы перехвачены

голубой бархоткой, а к платью приколоты жемчужная булавка. На Джо было коричневое платье со строгим белым воротничком. Единственным украшением ей служили две белые хризантемы.

Как и уговорились, Мег и Джо надели по одной хорошей перчатке, а испорченные несли в руках. Оглядев девочек, семейство пришло к выводу, что они выглядят очень мило и непринужденно. Правда, бальные туфли на высоких каблуках страшно жали Мег, но она никому не признавалась в этом. Что касается Джо, ей казалось, будто все девятнадцать шпилек воткнули ей прямо в голову. Но какая женщина не готова пострадать ради красоты!

– Желаю вам хорошо провести вечер, мои милые, – напутствовала миссис Марч дочерей, чинно спускающихся по ступеням. – Ешьте умеренно и не заставляйте Ханну ждать. Она придет за вами к одиннадцати.

Не успела за сестрами захлопнуться калитка, как в доме распахнулось окно.

– Девочки! Девочки! – донесся голос матери. – А носовые платки вы взяли?

– Взяли. У нас на редкость красивые носовые платки! – засмеялась Джо и повернулась к Мег: – По-моему, мама и в случае землетрясения не забудет про чистые носовые платки.

– Правильно, – ответила Мег. – В этом и проявляется истинный аристократизм. Настоящую леди узнаешь в первую очередь по безукоризненно чистой обуви, перчаткам и чистому носовому платку, несмотря ни на какие обстоятельства. Ты не забыла, Джо, что тебе нельзя поворачиваться другой стороной? – продолжала свои наставления Мег, стоя перед зеркалом в гардеробной миссис Гардинер. – Иначе все заметят пятно. Как мой пояс? А волосы? Не слишком ужасно выглядят? – И она еще раз придирчиво оглядела себя в зеркало.

– Боюсь, я забуду про свое платье, – честно ответила Джо. – Если я что-то сделаю не так, мигни мне, ладно? – И, поправив воротник, она наскоро провела щеткой по голове.

– Нет, подмигивать я не буду. Это неприлично. Если ты что-то сделаешь не так, я чуть-чуть подниму брови, а если все будет нормально, кивну. Спину держи прямо и ступай маленькими шажками. Когда тебя будут с кем-нибудь знакомить, не пожимай руку, это не принято.

– И как только у тебя в голове держатся все эти правила? Я вот никак не запомню их. Веселая музыка, а? – тут же переключилась Джо на более интересную тему.

Сестры вошли в зал и сразу немного оробели. В гостях они бывали нечасто, и подобные выходы были для них весьма важным событием.

Миссис Гардинер, величественная пожилая дама, ласково поздоровалась с сестрами и вверила их попечению старшей из шести своих дочерей. Мег была знакома с Салли и скорее освоилась в ее обществе. А вот Джо заскучала. Она не любила девчачьей компании и теперь, подпирая стену, чувствовала себя подобно жеребенку, который случайно забрел в цветник.

Ее влекло в другой угол комнаты, где шестеро юношей весело рассуждали о катании на коньках. Вот с ними Джо чувствовала бы себя вполне в своей стихии! Она обожала кататься на коньках! Джо взглядом спросила у сестры, будет ли прилично подойти к молодым людям, но та столь угрожающе вскинула брови, что Джо пришлось остаться на месте.

Никто не заговаривал с Джо. Постепенно девушки, стоявшие рядом с ней, рассеялись по комнате, и теперь она оказалась в полном одиночестве. Разгуливать по залу она не могла – боялась, что тогда подпалина на платье станет заметна. Вот почему до начала танцев она так и простояла на месте, окидывая зал тоскливым взглядом.

Как только заиграла музыка, Мег тотчас же пригласили на танец, и глядя, как грациозно скользит она по натертому паркету, трудно было догадаться, какие страдания причиняет ей каждое па – туфли немилосердно жали.

Но Мег продолжала скользить в танце, и на лице ее блуждала безмятежная улыбка.

Тут Джо заметила, что к ней приближается долговязый рыжий юноша. Боясь, как бы он не вздумал пригласить ее на танец, Джо поспешила в укрытие, в качестве которого избрала занавешенный альков. Здесь она намеревалась обрести полную безопасность и спокойно наблюдать за балом. Однако тут же выяснилось, что не одну ее застенчивость повлекла в этот укромный уголок. Едва она ступила за занавес, как оказалась лицом к лицу с юным мистером Лоренсом.

– Простите, я не думала, что здесь кто-то есть, – пробормотала Джо и приготовилась покинуть сию обитель с не меньшей стремительностью, нежели проникла сюда.

Но мальчик засмеялся и радушно предложил:

- Оставайтесь, если желаете, и не обращайтесь на меня внимания.
- Я не помешаю вам?
- Нет-нет, ничуть. Я здесь никого не знаю и чувствую себя совсем чужим.
- Я тоже. Нет-нет, если вы не спешите, останьтесь, пожалуйста.

Мальчик сел и, опустив голову, принялся сосредоточенно разглядывать ботинки. Он предавался этому занятию до тех пор, пока Джо, собрав все свои небогатые запасы светскости, не произнесла:

– Мне кажется, я уже имела удовольствие встречать вас раньше. Вы живете недалеко от нас, верно?

– В соседнем доме, – ответил он и, подняв голову, рассмеялся, настолько позабавила его церемонная речь Джо.

И это после того, как они запросто болтали с Джо о крокете, когда он разыскал их кошку!

Смех его миготом избавил Джо от смущения. Она тоже засмеялась и в свойственной ей грубоватой, но искренней манере сказала:

- А ваш рождественский подарок пришелся нам очень кстати.

- Это дедушка прислал.

- Но придумали-то все вы, верно?

- Мисс Марч, а как поживает ваша кошка? Какое славное создание, - ответил юный Лоренс. Все это он произнес с совершенно серьезным видом, но по тому, как блестели его глаза, легко было догадаться, что он изо всех сил удерживался от смеха.

- С кошкой все обстоит прекрасно, благодарю вас, мистер Лоренс. Только не надо называть меня мисс Марч. Просто Джо, - взмолилась наша юная леди.

- В таком случае и я не мистер Лоренс, а просто Лори.

- Лори Лоренс? Какое странное сочетание...

- Вообще-то меня зовут Теодор. Но мне это имя не нравится. Понимаете, все ребята тут же начинали звать меня просто Дора. Получается как-то по-женски. Вот я и стал называть себя Лори.

- Мне тоже мое имя не нравится. Джозефина! Звучит слишком сентиментально. Вот если бы все называли меня Джо! Но как вы добились, что мальчишки перестали звать вас Дорой?

- Я их побил.

- Нет, мне это не подходит, - грустно вздохнула Джо. - Не могу же я побить свою тетюшку! Увы, тут ничего не поделаешь!

- А почему вы не любите танцевать, мисс Джо? - спросил Лори, с явным удовольствием выговорив ее имя.

- Я люблю танцевать, - возразила Джо, - но только когда много места и танцы веселые. А в такой тесноте, как здесь, я непременно что-нибудь сворочу, или наступлю кому-нибудь на ногу, или сделаю еще что-то ужасное. Вот я и стараюсь держаться в стороне. Пусть себе Мег веселится. А вы любите танцевать?

- Иногда. Видите ли, я несколько лет прожил за границей. Я здесь недавно и еще не очень хорошо разбираюсь, что тут принято, а что - нет.

- За границей! - воскликнула Джо. - Я так люблю слушать о путешествиях! Расскажите мне, пожалуйста.

Поначалу Лори растерялся: он не знал, с чего начать. Но Джо закидала его вопросами, и, отвечая ей, Лори принялся вспоминать, как учился в Вевейской школе, где мальчишки круглый год ходят без головных уборов. У школьников

там целый флот на озере! А во время каникул они вместе с учителями отправляются в увлекательнейшие походы по Швейцарии.

- Как я хотела бы туда попасть! - в восторге воскликнула Джо. - А в Париже вы были?

- Мы жили там прошлой зимой.

- И по-французски говорите?

- В Вевейе нам не разрешалось говорить ни на каком другом языке, кроме французского.

- Ну скажите что-нибудь! Читать по-французски я умею, но не знаю, как правильно произносить.

- Quel nom a cette jeune demoiselle en les pantoufles jolies? - добродушно спросил Лори.

- Какое у вас прекрасное произношение! Вы сказали: "Как зовут эту девушку в красивых туфлях?" Правильно?

- Oui, mademoiselle[5]. Да.

- Посмотрите, это моя сестра Маргарет. Она красивая?

- Да, напоминает немецких девушек. От нее веет свежестью и спокойствием. И танцует она, как настоящая леди.

От этого по-мальчишески простодушного комплимента старшей сестре Джо зарделась от удовольствия. Она мысленно повторила про себя слова молодого Лоренса, чтобы потом дословно передать их Мег.

Продолжая болтать, они наблюдали из-за занавеса за происходящим в зале и то обменивались критическими замечаниями, то посмеивались. Вскоре у них возникло ощущение, что они давным-давно знакомы.

"Интересно, сколько ему лет?" - подумала Джо. Ей давно хотелось это узнать, но она сдерживала нетерпение и тактично повернула разговор на интересующую ее тему.

- Вам, наверное, скоро поступать в колледж? Я видела, как вы корпите над книгами... То есть, я хотела сказать, упорно занимаетесь, - поправилась Джо, покраснев оттого, что у нее невзначай вырвалось выражение "корпите над книгами", которое сейчас показалось ей очень вульгарным.

Кинув осторожный взгляд на Лори, Джо поняла, что ее слова совершенно его не шокировали. Он улыбнулся и, пожав плечами, ответил:

- Ну, до этого у меня есть еще два-три года. В колледж не поступают раньше семнадцати лет.

- Значит, вам всего пятнадцать? - удивленно спросила Джо; ей казалось, что рослому Лори никак не меньше семнадцати.

- Мне через месяц будет шестнадцать.

- Я мечтаю поступить в колледж, - продолжала Джо, - а вы, по-моему, не очень рветесь туда?

- Мне даже думать об этом противно. Студенты делятся на два рода - зубрил и лентяев. А мне не хочется быть ни тем, ни другим.

- А что же вам хочется?

- Уехать в Италию и жить как мне нравится.

Джо было очень любопытно, как же ему нравится жить, однако мальчик произнес эту короткую тираду с таким суровым видом, что Джо решила переменить тему.

- Какая чудесная полька, - сказала она, легонько отбивая ногой такт. - Почему вы не танцуете?

- Ну, если вы пойдете... - И он отвесил ей полупоклон как настоящий француз.

- Ой, я не могу, - спохватилась Джо, - я ведь обещала Мег, что не буду, у меня... - И девочка замялась, не зная, стоит ли объяснять истинную причину.

- Что у вас? - переспросил Лори.

- А вы никому не скажете?

- Никогда.

- Понимаете, у меня есть дурная привычка, я становлюсь слишком близко к огню... и часто прожигаю плаття. Вот и с этим произошло то же самое. Прожженное место заштопали, и его не очень-то видно. Но Мег говорит, чтобы я не поворачивалась этим боком к гостям. Теперь вы, мистер Лори, можете вдоволь посмеяться. Это действительно смешно.

Но Лори смеяться не стал. Он постоял, опустив голову, а когда посмотрел на Джо, выражение его глаз порядком ее озадачило.

- Все это не имеет никакого значения, - сказал он. - Мы, пожалуй, вот что сделаем. Тут есть довольно просторный холл. Давайте там потанцуем, и нас никто не заметит. Пойдемте, я вас очень прошу.

Джо с благодарностью согласилась.

Увидев, что ее кавалер натянул на руки безукоризненные перчатки жемчужно-серого цвета, Джо пожалела, что у нее самой всего одна хорошая перчатка. Но холл был пуст, и они, не привлекая внимания, танцевали в свое удовольствие. Лори оказался прекрасным партнером. После польки он показал Джо немецкий танец, который очень увлек ее. Тут было множество прыжков, поворотов, и Джо окончательно почувствовала себя в родной стихии.

Когда музыка смолкла, они сели передохнуть на ступеньке, и Лори принялся рассказывать Джо о студенческом празднике, который наблюдал в Гейдельберге [6].

Тут появилась Мег и поманила Джо. Та неохотно поднялась и пошла за сестрой в боковую комнату. Там Мег села на кушетку и схватилась за ногу. Лицо у нее было совсем бледным.

– Я растянула ногу, – объяснила Мег. – Этот мерзкий каблук подвернулся, и я споткнулась. Так больно! Я едва стою. Прямо не знаю, как мы доберемся до дому, – добавила она, раскачиваясь из стороны в сторону от боли.

– Ой, с этими дурацкими туфлями что-нибудь обязательно случается! Бедная Мег! Но что же нам делать? Или нанимаем экипаж, или остаемся здесь ночевать, – сказала Джо, растирая сестре лодыжку.

– Нет, экипаж нам не по карману. А потом, все приехали в своих экипажах. Да и послать некого.

– Давай я схожу.

– Ни за что! Уже совсем темно. Я с ума сойду от страха, если отпущу тебя одну! И остаться мы тут тоже не можем. В доме и без нас полно гостей. К Салли приехали подруги. Ничего, потерплю до прихода Ханны. Может, как-нибудь и дойдем.

– Придумала! – обрадовалась Джо. – Я попрошу Лори, он сходит за экипажем.

– Умоляю, не делай этого! – отчаянно запротестовала Мег. – Не говори никому. Лучше принеси мои ботинки, а туфли положи с остальными вещами. Я все равно не могу больше танцевать. Как только поужинаешь, встречай Ханну и сразу дай мне знать, что она пришла.

– Все уже идут ужинать. Я лучше посижу с тобой.

– Нет, Джо, принеси мне кофе. Я так устала, что с места не могу сдвинуться.

Мег спрятала туфли и прилегла. Джо, сперва попав по ошибке в чулан, затем распахнув дверь в комнату, где мистер Гардинер в чинном одиночестве вкушал трапезу, достигла наконец цели своего путешествия. Ворвавшись в столовую, девочка на ходу схватила чашку горячего кофе, тут же плеснув себе на платье. Теперь перед платьем выглядел даже хуже, чем спина.

– Ах, растяпа! – воскликнула Джо, пытаясь стереть кофе перчаткой, после чего и перчатка пришла в полную негодность.

– Позвольте помочь вам, – услышала она ласковый голос, и в следующее мгновение перед ней оказался Лори. В одной руке он держал полную чашку кофе, в другой – мороженое.

– Я хотела отнести что-нибудь Мег. Она очень устала и прилегла отдохнуть в комнате. Но кто-то меня толкнул, и теперь вот я в каком виде, – ответила

Джо, с грустью взглянув на обильно политую кофе юбку и испачканную перчатку.

– Как жаль! А я как раз думал, кому бы отдать все это. Можно я отнесу кофе с мороженым вашей сестре?

– Конечно. Спасибо большое. Я покажу, в какой она комнате. Сама я даже и пробовать больше не буду нести, а то опять что-нибудь пролью.

Джо пошла вперед, а Лори за ней.

Донеся угощение до комнаты, он придвинул столик, потом удалился и принес кофе с мороженым для Джо.

В комнату забрело еще трое молодых людей, и все они принялись играть в считалки. Было так весело, что Мег совсем забыла про больную ногу. Вот почему, увидев Ханну, она резво вскочила с дивана, но тут же, охнув, ухватилась за Джо.

– Молчи, – прошептала она на ухо сестре и громко сказала: – Пустяки! Просто я немного подвернула ногу!

И заковыляла наверх, в гардеробную.

Ханна ворчала, Мег плакала от боли. Джо сперва растерялась, но затем, решив, что кроме нее с этим делом никто не справится, выскользнула из комнаты. Спустившись вниз, она разыскала слугу и попросила достать экипаж. Но это оказался не слуга, а официант, который не знал, где находится стоянка экипажей. Джо растерялась, и тут Лори, стоявший рядом и слышавший все, что она говорила слуге, предложил подвезти сестер к дому.

– Еще рано, вам, наверное, хочется побыть тут, – смутилась Джо.

По правде сказать, ее очень обрадовало предложение Лори, и, лишь повинувшись застенчивости, она тут же не выразила своего ликования.

– Я всегда ухожу рано. Не люблю засиживаться. Так что прошу, разрешите довести вас до дому. Тем более что, кажется, начался дождь.

Последнее известие окончательно решило исход дела. Объяснив, что произошло с Мег, Джо поблагодарила Лори и позвала служанку. Ханна с радостью согласилась, ибо испытывала к дождю поистине кошачью ненависть. Вот почему, быстро собравшись, они покатали домой в роскошной карете мистера Лори.

Сидя на мягких сиденьях, девочки чувствовали себя настоящими светскими дамами. Лори устроился рядом с кучером, и Мег могла, не стесняясь, вытянуть больную ногу. Устроившись поудобнее, сестры принялись обсуждать прошедший вечер.

– Как было весело! – сказала Джо. – А тебе?

– Мне тоже, пока нога не подвернулась. Я подружилась с Энни Моффат, подругой Салли. Энни пригласила меня вместе с Салли погостить у нее неделю

весной. Она сказала, что каждую весну к ним приезжает оперный театр. Если мама отпустит, будет просто замечательно, – ответила Мег.

Одна мысль о предстоящем визите доставляла ей удовольствие.

– Я видела, как ты танцевала с неким рыжим субъектом. Тебе он понравился?

– Да, очень! И вовсе он не рыжий. У него каштановые волосы. Он такой воспитанный. У нас с ним здорово получился чешский танец.

Джо рассказала, как у них с Лори прошел вечер, и тут карета поравнялась с домом.

Стоило девочкам открыть дверь в спальню, как из смежной комнаты высунулись две головки в ночных чепчиках и сонными, но требовательными голосами проговорили:

– Расскажите про бал! Расскажите, пожалуйста!

Тут выяснилось, что Джо, пренебрегая, как назвала это Мег, хорошими манерами, набрала на празднике конфет для младших сестер. Уплетая конфеты, девочки внимательно слушали рассказ старших сестер про праздник, а потом, вполне умиротворенные, отправились спать.

– Должна заметить, сегодня я лишний раз убедилась, что совсем неплохо быть знатной леди. Ничего не имею против каждый день возвращаться домой в шикарной карете. Потом садишься перед зеркалом в пенюаре, а горничная ухаживает за тобой, – мечтательно говорила Мег, пока Джо укладывала ей на ногу компресс из арники и расчесывала волосы.

– Вот только не думаю, что эти знатные леди наслаждаются балами так же, как мы. Даже несмотря на спаленные волосы, старые платья, одну пару целых перчаток на двоих, мы все-таки умеем радоваться. И даже когда мы надеваем туфли, из которых выросли и из-за которых подворачиваем себе ноги. – Все это Джо высказала на одном дыхании, и она не кривила душой.

Глава IV

Время забот

– Ох, до чего тяжело взваливать на себя бремя забот, – сетовала Мег наутро после бала.

Неделя каникул пролетела, и возвращаться к обязанностям, которые и раньше-то казались постылыми, было совсем нелегко.

– Хорошо бы, Рождество и Новый год никогда не кончались! Вот было бы здорово! – ответила Джо и уныло зевнула.

– Наверное, тогда праздники приелись бы, но как приятно, когда на столе стоят цветы, и ходишь в гости, и возвращаешься домой в карете. А если и не ходишь в гости, то отдыхаешь в свое удовольствие или читаешь книгу, и

думать не думаешь о каких-то обязанностях. А ведь есть люди, которые так всегда живут. Как я завидую девочкам, у которых все есть! Я люблю роскошь, – сказала Мег, прикидывая в уме, какое из двух ее поношенных платьев сохранило более пристойный вид.

– Ну, о роскоши нам лучше и не мечтать, это нам недоступно. Нечего ныть из-за этого! Нечего сетовать на судьбу, давайте лучше работать над своим характером. Именно так поступает наша Марми. Конечно, тетушка Марч – тяжелое испытание, но все равно следует научиться сносить ее выходки, и тогда наверняка она станет покладистой, как ягненок.

Эта идея настолько захватила Джо, что она развеселилась. Однако Мег по-прежнему была угрюма. Дело в том, что бремя ее забот, которое воплощалось в четырех избалованных детях, казалось ей сейчас еще менее привлекательным, чем обычно. Против обыкновения она не задержалась у зеркала, где обычно подолгу укладывала волосы или повязывала на шею голубую ленту.

– Какой смысл прихорашиваться, если меня все равно никто, кроме этих ужасных детей, не видит. Никому нет дела, хороша я или нет, – проворчала Мег и с шумом задвинула ящик стола. – Видно, мне всю жизнь придется мучиться, пока не состарюсь. Хорошо еще, изредка удается развлечься. И все потому, что я бедна и не могу наслаждаться жизнью, как все нормальные девушки. Где же справедливость?

В самом скверном настроении Мег спустилась в столовую. Впрочем, сегодня все были не в духе и ворчали по любому поводу. У Бет болела голова, она лежала на диване, и лишь кошка с тремя котятками скрашивала ее существование. Эми тревожилась из-за того, что не выучила уроки, кроме того, у нее исчезли ботинки, и она не знала, где их искать. А Джо, собираясь по делам, вдруг принялась свистеть, из-за чего подняла шума даже больше, чем обычно. Миссис Марч спешила дописать письмо, которое нужно было сегодня же отправить. А Ханна из-за бала поздно легла спать и теперь плохо себя чувствовала.

– Никогда не встречала такого сердитого семейства! – в сердцах воскликнула Джо.

Торопясь выйти из дома, она опрокинула чернильницу, разорвала шнурки в ботинках и в довершение всего села на свою шляпу.

– А ты самая сердитая из всех! – крикнула в ответ Эми, глядя трагическим взором на задачу – ответ никак не сходиллся с указанным в конце учебника.

– Слушай, Бет, если ты не переселишь этих мерзких кошек в подвал, я велю их утопить! – крикнула Мег, силясь сбросить котенка, который взобрался ей на спину и вцепился когтями в платье.

Что тут началось! Джо громко смеялась, Мег кричала, Бет упрашивала не трогать кошек, а Эми рыдала, ибо никак не могла умножить в уме девять на двенадцать.

– Девочки! Девочки! Да помолчите хоть минутку! Мне обязательно надо успеть отправить письмо с утренней почтой. А вы так шумите, что я никак не могу

сосредоточиться! – воскликнула миссис Марч, в третий раз зачеркивая строчку в своем письме.

В комнате тут же воцарилась тишина, которую нарушила Ханна; стремительно влетев в столовую, она поставила на стол тарелку с двумя горячими пирожками и удалилась восвояси.

Эти пирожки Ханна пекла для Джо и Мег в те дни, когда они уходили на работу. Так как домой девочки возвращались лишь вечером, пирожки заменяли им обед. Было у пирожков и другое чудесное свойство. В холодные утра они согревали руки, и сестры ласково нарекли их "муфточками".

– Ладно, Бет, забавляйся на здоровье своими кошками. Желаю тебе быстрее избавиться от головной боли. До свидания, мама. Мы сегодня были скверными, но вечером, когда вернемся, станем совсем другими. Пошли, Мег!

С этими словами Джо, и сама понимая, что "странствие пилигримов" началось не очень-то удачно, решительно направилась на улицу.

Дойдя до угла, сестры оглянулись. Как и всегда, они заметили в окне мать, которая, улыбаясь, махала им вслед. Если бы они не увидели Марми, у них наверняка бы испортилось настроение – с раннего детства сестры привыкли к материнскому напутствию, без него не проходило ни одного, даже самого краткого выхода из дома.

– Если бы мама сегодня вместо воздушного поцелуя погрозила нам вслед кулаком, она была бы права. Мы вели себя просто по-свински! – воскликнула Джо.

Теперь, раскаиваясь в утренних капризах, она радовалась, что погода такая скверная и приходится месить ногами грязь. Ей казалось, что таким образом она отчасти искупает грехи.

– Умоляю тебя, не употребляй таких грубых выражений, – одернула ее Мег.

Голос из-под шарфа, которым она укуталась по самые глаза, прозвучал глухо, таинственно.

– А я люблю сильные выражения. Они, по крайней мере, хоть что-то значат, – сказала Джо, хватаясь за шляпу, которую чуть не унес сильнейший порыв ветра.

– Себя ты можешь называть как угодно, но я вовсе не желаю слушать, что я – свинья или еще что-нибудь в этом роде.

– Ты злишься из-за того, что мы живем не в роскоши. Ну ничего. Не расстраивайся. Я разбогатею, и ты будешь разъезжать в карете. А в мороженом просто плавать будешь. И белых туфель на высоких каблуках у тебя будет полно. И цветов. А уж рыжих кавалеров, с которыми ты так любишь танцевать...

– Ну что ты мелешь, Джо? – строго прервала ее Мег и тут же расхохоталась вместе с сестрой.

- Скажи спасибо, что я не раскисаю, как ты. Иначе из нас вышла бы парочка нытиков. Но я, даже когда мне очень грустно, могу найти что-нибудь смешное. В общем, не смей больше ворчать. - Джо ободряюще коснулась плеча сестры.

Пути девочек расходились, каждая пошла навстречу своей нелегкой работе. Когда мистер Марч, пытаясь выручить друга, разорился, старшие девочки настояли, чтобы родители позволили им зарабатывать хотя бы на мелкие расходы. Родители согласились: они считали, что чем раньше человек привыкнет трудиться, тем раньше обретет зрелость и независимость. Вот так и получилось, что Мег и Джо взялись за дело. На путь самостоятельности они ступили исполненные доброй воли, стремления приносить как можно больше пользы и таким образом преодолевать любые препятствия. Мег подыскала себе место гувернантки, и небольшое жалованье, которое ей положили, казалось ей целым состоянием.

По ее собственным словам, она обожала роскошь, бедность угнетала ее больше других членов семьи. Кроме того, Мег помнила время, когда семья жила в достатке, и это тоже причиняло ей страдания. Раньше дом Марчей радовал роскошью, да и в развлечениях не было недостатка.

Конечно, Мег изо всех сил старалась не огорчаться и не завидовать более удачливым подругам. Но редкая молодая девушка может оставаться равнодушной к красивым вещам, веселым компаниям и счастливой жизни, и нет ничего удивительного в том, что Мег страдала, не имея этого.

Все, чего сама Мег лишилась с потерей состояния, она в обилии видела в семье Кингов, куда нанялась гувернанткой. Младшие дети были вверены заботам Мег, а старшие сестры как раз начали выезжать в свет, и несчастная гувернантка частенько слушала их веселую болтовню о театрах, концертах, катаниях на санях и прочих забавах. Видела она и их прекрасные бальные платья и роскошные букеты цветов, и, главное, в доме царила та свобода, которая дается только состоятельной жизнью, когда можно спокойно потратить деньги на различные мелочи, если мелочи эти приносят радость.

Мег редко кому-нибудь выказывала свои чувства, уверенная, что жизнь обошлась с ней жестоко. Не научившись ценить того, чем щедро одарила ее судьба, она горевала, считая себя несправедливо обделенной.

Джо нашла себе работу несколько иного рода. Одинокая пожилая тетюшка Марч страдала хромотой и нуждалась в помощнике. Когда Марчей постигла финансовая катастрофа, богатая сестра мистера Марча предложила удочерить одну из девочек. Но мистер и миссис Марч отказались. Престарелая вдова обиделась, а знакомые Марчей хором упрекали их в недальновидности: теперь не придется рассчитывать, что богатая родственница упомянет их в завещании. Но Марчи отвечали со свойственной им прямоотой: "Даже за дюжину наследств мы не согласимся расстаться с дочерьми. И богатые, и бедные, мы счастливы только вместе".

Некоторое время взбалмошная старуха не желала с ними разговаривать.

Однако, встретив как-то в гостях у приятельницы Джо, она подпала под обаяние ее решительного нрава и мальчишеской манеры и предложила девушке наняться к ней в компаньонки.

Нельзя сказать, что Джо обрадовало это предложение. Но лучшей работы ей никто не предлагал, и потому она согласилась. К удивлению окружающих, Джо прекрасно ладила со своей эксцентричной теткой.

Конечно, ссоры были неизбежны, и порой они протекали весьма бурно. Однажды Джо, вернувшись домой, заявила, что это выше ее сил и она больше не пойдет к этой жуткой старухе. Но тетюшка Марч живо уладила недоразумение. Она посылала за племянницей с такой настойчивостью, что Джо в результате сменила гнев на милость. Была и еще одна причина такой отходчивости. Что бы там ни говорила Джо, в глубине души она успела привязаться к сварливой родственнице. Немалую роль играла для Джо и библиотека, которая с того дня, как умер дядюшка Марч, находилась во власти пыли и пауков.

Джо помнила добродушного дядюшку Марча. Когда она бывала у них в гостях, он всегда развлекал ее. Они вместе строили из огромных словарей железные дороги и мосты, а потом он принимался объяснять ей значение причудливых картинок из какой-нибудь толстой книги на латыни. Когда они встречались на прогулке, дядюшка Марч всегда угощал Джо пряниками.

Библиотека покойного дядюшки Марча представляла собой полутемную пыльную комнату. С вершин книжных шкафов взирали гипсовые бюсты великих мира сего. Тут стояли мягкие кресла, глобусы, но Джо более всего интересовали книги. Стоило тетюшке Марч прилечь отдохнуть или заняться гостями, как Джо спешила в это тихое убежище, казавшееся ей настоящим зачарованным царством.

Забравшись с ногами в глубокое мягкое кресло, Джо принималась читать. Она поглощала все подряд – стихи, романы, исторические труды, записки путешественников. Уставая от чтения, девочка принималась разглядывать иллюстрации. Словом, день ото дня страсть к книгам все больше завладевала ею.

Но, как часто случается на этом свете, подобные мгновения длились недолго. Джо бывало очень обидно, когда, дойдя до самого интересного места в романе, или наслаждаясь чудесными стихами, или сопереживая увлекательным приключениям какого-нибудь путешественника, она вдруг слышала пронзительный голос тетюшки: "Джо-зе-фи-на! Джо-зе-фи-на!"

И ей приходилось, оставив чтение, стремглав бежать на зов, чтобы мотать шерсть, купать пуделя или читать тетке вслух "Эссе" некоего мистера Белшема, которое очень нравилось престарелой матроне, а Джо казалось верхом занудства.

Джо очень хотелось совершить необыкновенный поступок. Она еще и сама толком не знала, в какой области ей бы хотелось прославиться, но верила, что со временем найдет себе применение и станет знаменитой. Пока же ее огорчало, что она лишена возможности читать и ездить верхом сколько хочется.

Джо отличалась вспыльчивым нравом, никогда не лезла за словом в карман, и мятежный дух часто толкал ее на различные безрассудства. Вот почему Джо

постоянно попадала в комичные, нелепые ситуации. Закалка духа, которую она получала в постоянном общении с тетушкой Марч, явно шла ей на пользу, а сознание, что она вносит посильный вклад в убогий семейный бюджет и если не очень его увеличивает, то хотя бы сокращает расходы родителей на свое собственное содержание, исполняло ее гордости. Ради этого она готова была и дальше терпеть раздирающие душу вопли: "Джо-зе-фина! Джо-зе-фина!"

Бет была очень застенчива, и из-за этого ее не стали отдавать в школу. Вернее, поначалу отдали, но она так страдала, что девочку пришлось оставить дома. С тех пор Бет занималась с отцом. Даже теперь, когда отец ушел на войну, а мать все свои силы тратила на работу в Обществе помощи фронту, Бет усердно продолжала заниматься. По натуре она была домоседкой и помогала Ханне по хозяйству, не ожидая за это ничего, кроме любви окружающих. А ведь именно титаническими усилиями Ханны и Бет дом всегда был в образцовом порядке и хранил уют для сестер и матери, проводивших большую часть времени на работе. Бет просиживала в одиночестве долгие дневные часы, но тишина в доме не угнетала ее. Она относилась к тем, кто наделен богатым воображением, скука им совершенно неведома. У Бет был свой собственный мир, населенный удивительными существами, и она могла часами вести с ними увлекательнейшие беседы.

Бет была от природы трудолюбива и не ограничивалась уроками или обязанностями по дому. Каждое утро она тщательно наряжала всех своих кукол, ведь Бет была еще ребенком, и игрушки составляли неотъемлемую часть ее жизни.

Среди ее кукол не было ни одной совершенно новой. Объяснялось это тем, что все шесть изрядно потрепанных созданий перешли в ведение Бет лишь после того, как послужили старшим сестрам. Только когда Мег и Джо выросли, а Эми, которая не терпела ничего безобразного, сказала, что ей эти старые куклы не нужны, они стали безраздельной собственностью Бет. Бет же холила старых кукол по той самой причине, по которой отказалась от них Эми. Новой хозяйке было так жаль их, что она устроила им больницу. Следует заметить, что Бет никогда не наказывала своих кукол, не втыкала булавок в их ватные тела и даже не ругала их, считая своих подопечных несчастнейшими созданиями. Бет никогда не отдавала никому из них предпочтения и не пренебрегала даже теми из них, кто по воле судьбы обрел поистине отталкивающую наружность.

Один из подобных уродов принадлежал некогда Джо и, пережив бурную молодость, окончил свои дни в мешке с тряпьем. Но Бет извлекла оттуда куклу, вернув сим бранным останкам право на гражданство. У этого несчастного экспоната отсутствовала верхняя часть головы, и, дабы скрыть изъян, Бет сшила ему нарядный колпачок. А так как у куклы не сохранилось ни рук, ни ног, Бет все время пеленала ее, как новорожденную. Эта кукла считалась самой больной среди подопечных Бет и потому занимала лучшую кукольную кровать.

Никто, увидев сколько заботы уделяла Бет этому пупсу, не удержался бы от смеха. Но это был бы тот добрый смех, за которым неизбежно рождается симпатия к девочке. Бет собирала для своего пупса крохотные букеты цветов, читала ему вслух, прятала его у себя под плащом и выносила на улицу, чтобы он подышал воздухом. Бет пела ему колыбельные и, перед тем как самой лечь

спать, не забывала поцеловать его в чумазую физиономию, приговаривая: "Надеюсь, бедненький мой, ты сегодня будешь хорошо спать".

Но Бет была не ангелом, а живой девочкой, и у нее, как у всякой нормальной девочки, были и горести, и трудности. Иногда она плакала из-за того, что в доме не было хорошего фортепиано и потому невозможно брать уроков музыки. А она так любила музыку, так старательно упражнялась на стареньком разбитом рояле, что, казалось, кто-то должен был услышать ее страдания. Ну хотя бы тетушка Марч. Однако никто не слышал жалоб девочки, никто не видел, как слезы каплют на пожелтевшие клавиши. Бет плакала от бессилия: никакими стараниями невозможно было выжать из старого фортепиано приличные звуки, оно давно уже не держало строй. Но Бет позволяла себе горевать, только когда оставалась одна. Делая какую-нибудь работу по дому, она распевала, словно жаворонок, никогда не отказывалась играть на рояле, если ее просили Марми или сестры, а каждое утро начинала с того, что говорила себе: "Итак, Бет, нужно верить в лучшее. Если ты будешь вести себя хорошо, настанет день, и у тебя будет новый рояль, и уроки музыки ты тоже сможешь брать. Уж как-нибудь все образуется".

В этом мире по своим укромным уголкам таится множество подобных Бет. Они никогда не дают о себе знать, пока не понадобятся. На людях они всегда столь жизнерадостны, что никто и не думает об их самопожертвовании, пока это божественное существо не умолкнет, как умолкает вдруг сверчок на печи. И только когда воцаряются молчание и тьма, окружающие с горечью сознают, что за удивительное существо жило бок о бок с ними.

Эми была совсем иной. Если бы кому-нибудь вздумалось узнать, что ее огорчает больше всего на свете, она, ни секунды не задумываясь, уверенно ответила бы: "Мой нос".

Когда она была совсем маленькой, Джо нечаянно уронила ее в ведерко для угля, и, по мнению Эми, это происшествие изуродовало ей нос.

Он не был ни большим, ни красным, но он был приплюснутым, и, сколько Эми ни терзала его, аристократической утонченности так и не возникало. Впрочем, никого, кроме нее самой, это совершенно не шокировало. Кроме того, нос, по мере того как Эми росла, принимал вполне нормальную форму. Но Эми это не удовлетворяло. Она мечтала, чтобы у нее был греческий профиль и в качестве некоторой компенсации постоянно рисовала носы излюбленной формы.

Сестры прозвали Эми "маленьким Рафаэлем". И правда: у девочки были несомненные способности к живописи. Она увлеченно писала и с натуры (больше всего она любила писать натюрморты с цветами), и различные фантастические сюжеты, где фигурировали причудливые персонажи сказок. Учителя в школе жаловались на Эми: часто, вместо того чтобы записать условия задачи, она увлеченно рисовала на грифельной доске животных. Чистые листы в географическом атласе, которые другие ученики использовали для копирования карт, Эми пускала на те же цели, и из атласа часто вылетали листочки, на которых красовались потешные карикатуры. Несмотря на это, Эми умудрялась кое-как учиться, и, благодаря смирному нраву, в школе терпели ее страсть к рисованию.

Одноклассницы любили ее: у Эми был хороший характер и прекрасные манеры, которые давались ей без всякого труда. Ее такт и светские обороты речи вызывали настоящее восхищение. Впрочем, соученицы восхищались и способностями Эми, ведь кроме способностей к рисованию и живописи она могла наиграть на фортепиано двенадцать мелодий или прочесть текст по-французски, делая ошибки только в половине слов. Часто она подкупающе-жалобным тоном говорила: "Когда папа был богатый, мы..." Дальше шел перечень разного рода заманчивых развлечений и удовольствий, которые ныне Марчи или вообще не могли себе позволить, или позволяли в самых редких случаях.

Любила Эми щегольнуть и каким-нибудь сложным, длинным словом, которое подруги находили потрясающе элегантным.

Все любили ее, потакали ее прихотям и странностям. Положение всеобщей любимицы ей очень нравилось, и незаметно эгоизм и тщеславие все больше одерживали над ней верх. Лишь одно обстоятельство несколько умеряло ее гордыню: ей приходилось донашивать одежду после двоюродной сестры. Эми очень страдала от этого. Дело не в том, что не слишком приятно донашивать чужие вещи. Главное, что у матери Флоренс (так звали двоюродную сестру) был очень плохой вкус, и Эми страдала от варварских, по ее мнению, фасонов и сочетаний цветов.

Словом, эти еще вполне добротные вещи были плохи тем, что шли вразрез с художественным вкусом Эми. Например, вместо голубой шляпки ей приходилось довольствоваться каким-нибудь ярко-красным капором или надевать платье, которое ей совершенно не шло. Нынешняя зима в этом плане представлялась Эми особенно тягостной: ей приходилось ходить в школу в платье из блекло-лиловой ткани в желтый горошек. Будь у Эми более сварливый нрав, она умерла бы с тоски от убогости платья, лишенного даже отделки.

- Одно меня утешает, - сказала она по этому поводу Мег. - Даже когда я плохо себя веду, мама не имеет привычки укорачивать мои платья. А вот мать Мери Парк, стоит ей набедокурить, укорачивает платье до колен. Бедная Мери в такие дни не ходит в школу. Когда я думаю о такой дегерации (так Эми произносила понравившееся ей "умное" слово "деградация"), мне становится легче.

Для Эми не было большего авторитета, чем Мег, к Мег обращалась она за советом и поддержкой. А у Бет самые доверительные отношения сложились с Джо, хотя и по характеру, и по склонностям Джо была полной противоположностью Бет. Только Джо робкая, застенчивая Бет поверяла самое сокровенное и, что удивительно, оказывала немалое влияние на свою безалаберную сестру. Конечно, Мег и Джо и друг для друга немало значили, но каждая пестовала свою младшую сестру. Это было что-то вроде неосознанной игры в дочери-матери, с той только разницей, что место давно заброшенных кукол теперь заняли для Джо - Бет, а для Мег - Эми.

- Расскажите мне что-нибудь, - попросила Мег, когда вечером все уселись за шитье, - у меня был такой унылый день.

- Тетушка сегодня выкинула забавный фортель. Все окончилось прекрасно, и теперь я могу рассказать вам об этом, - начала Джо, обожавшая всякие

смешные истории. – Я читала ей этого зануду Белшема, читала монотонно – так тетушка быстрее засыпает. Тогда я достаю свою книжку и читаю как сумасшедшая, пока она не проснется. Но сегодня и меня вдруг стало клонить в сон. Я так громко зевнула, что тетушка спросила, не собираюсь ли я проплотить книжку. Я за словом в карман не полезла и ответила, что могла бы, знай наверняка, что избавлюсь от нее навсегда. Тогда тетушка начала читать мне длиннейшую нотацию и перечислила все мои грехи. Эта нотация вконец ее измотала, и она сказала, что немного помолчит, а я пока должна обдумать ее слова. Я обещала, и она успокоилась. Должна вам заметить, старушечья моя если засыпает, то всерьез и надолго. Ее и пушками не разбудишь. И вот когда я увидела, что тетушкин чепец склонился вниз, – ну просто георгин на стебле, и только! – я вытащила из кармана "Векфилдского священника" и стала читать, одним глазом поглядывая на тетю. Но тут попалось очень смешное место, помните, где все шлепнулись в воду. Я не выдержала, захохотала, и тетя проснулась. После сна она сильно подобрела и велела мне дочитать ей вслух "Векфилдского священника". Она объявила, что желает посмотреть, что за легкомысленное чтение я предпочитаю полезному и поучительному Белшему. Я старалась читать как можно лучше, и, знаете, ей так понравилось, что она сказала: "Что-то я, милая моя, не очень понимаю, о чем идет речь. Давай-ка начнем с самого начала". Я начала сначала и уж постаралась выразительнее прочесть про семейство Примрозов. Кроме того, я решила схитрить. Остановилась на самом интересном месте и простодушно спросила: "Может, хватит? Вы, наверное, устали, тетушка?" Она снова взялась за вязанье, о котором совершенно позабыла, и, подняв на меня негодующий взор, ответила: "Потрудись дочитать до конца главы и не смей мне дерзить".

– Неужели призналась, что ей понравилось? – удивилась Мег.

– Конечно нет! Но зато оставила этого зануду Белшема. А когда я вернулась в комнату за перчатками, тетушка сама читала "Векфилдского священника". И так увлеклась, что не услышала, как я от радости танцевала в передней. Теперь, надеюсь, моя жизнь переменится. А тетушка... Какую бы она могла вести приятную жизнь! Ей стоит только захотеть. Честно говоря, я не особенно ей завидую. Да, она богата, но, глядя на нее, я всегда думаю, что, наверное, у богатых людей неприятностей не меньше, чем у бедных, – добавила Джо.

– Ой, совсем забыла, – сказала Мег. – Мне ведь тоже есть что вам рассказать. Это не так забавно, как история Джо, но я много думала об этом по дороге домой. Сегодня у Кингов все были сами не свои. Оказывается, их старший брат провинился, и отец выгнал его из дома. Я слышала, как плакала миссис Кинг, а мистер Кинг что-то сердито ей выговаривал. Когда я увидела Грейс и Элен, они отвернулись, чтобы я не заметила, какие у них заплаканные лица. Я, естественно, ни о чем не спрашивала. Но мне стало их очень жалко. Я даже порадовалась, что у меня нет старших братьев. Как часто среди молодых людей встречаются такие, кто позорит семью.

– По-моему, куда хуже самой опозориться в школе. По сравнению с этим все, что сделают твои старшие братья, просто чепуха, – сказала Эми и так многозначительно покачала головой, словно обладала куда более богатым жизненным опытом, чем Мег. – Видели бы вы, какое красивое кольцо у Сьюзен Перкинс! Мне бы такой сердолик! Как бы я хотела поменяться с ней ролями! Так вот, эта Сьюзен Перкинс нарисовала мистера Дэвиса с огромным носом и

горбом, а около рта написала: "Юные леди, я не свожу с вас глаз!" Мы все как раз потешались над ее рисунком, когда он вдруг действительно на нас посмотрел и велел Сьюзен принести свою доску. Она так и остолбенела от страха, но все-таки пошла. Так что, вы думаете, он сделал? Схватил ее за ухо! За ухо! Вы представляете себе этот ужас! Он велел ей стоять с доской в руке целых полчаса!

- Наверное, все девочки смеялись над картинкой? - спросила Джо, обожавшая напряженные ситуации.

- Посмеялись? Никто не смеялся. Все притихли, как мышки. А Сьюзен плакала. Представляю себе, каково ей было. Предложи мне миллион колец с сердоликами, я бы и то не согласилась стоять вместо нее на помосте. Мне не пережить такого унижения, - заключила Эми.

- А я сегодня утром видела такое, что весь день радуюсь, - вступила в разговор Бет. - Я хотела рассказать вам за обедом, но совсем забыла.

И Бет, приводя в порядок корзинку Джо, где все швейные принадлежности скатались в какой-то причудливый клубок, рассказала сестрам о том, что произвело на нее впечатление сегодня.

- Я отправилась купить устриц для Ханны и в рыбной лавке увидела мистера Лоренса, но он меня не заметил. Я спряталась за бочкой и оттуда смотрела, как мистер Каттер обслуживает его. Вдруг в лавку вошла какая-то несчастная женщина с ведром и шваброй и говорит, что ей нечем кормить детей, не вымыть ли, мол, ей пол в лавке в обмен на рыбу. Мистер Каттер сердито ответил: "Нет!" Бедная женщина очень огорчилась. На нее просто невозможно было смотреть. Она уже собиралась уйти, и тут мистер Лоренс подцепил рукояткой трости большую рыбину и протянул ей. Женщина очень удивилась. Она схватила рыбу и принялась благодарить мистера Лоренса. Но он велел ей скорее возвращаться домой и приготовить детям обед. Она убежала. Лицо ее просто сияло от счастья! Мне кажется, он очень хорошо поступил, правда? А как она забавно выглядела, когда прижала к груди свою рыбину и сказала: "Надеюсь, ваша постель на небесах будет такой же мягкой!"

Девочки от души посмеялись над историей Бет, а потом попросили мать тоже что-нибудь рассказать. Миссис Марч на мгновение задумалась, затем начала серьезным и тихим голосом:

- Сегодня я кроила жилеты из синей фланели, и меня не оставляли мысли о папе. Я очень беспокоилась о нем и думала, какой одинокой и страшной станет наша жизнь, если с ним что-нибудь случится. Конечно, глупо зря городить всякие ужасы, но что поделаешь! Вдруг в мастерскую вошел старик.

В руках он держал конверт. Он опустился на стул рядом со мной, такой усталый, грустный, и я решила расспросить, что с ним стряслось. "У вас сыновья в армии?" - спросила я, увидев, что письмо адресовано не мне. "Да, мэм. У меня было четыре сына. Но двое убиты, третий попал в плен, а к четвертому я сейчас еду. Он тяжело болен и лежит в вашингтонском госпитале", - тихо ответил он. "Вы принесли большие жертвы родине, сэр", - сказала я, теперь этот человек вызвал у меня не жалость, а почтение. "Не больше, чем это нужно, мэм, - ответил он. - Будь от меня какая-то польза, я бы и сам пошел на войну. А раз уж я сам ни на что не годен, я послал

сыновей и ни о чем не жалею". Он говорил так убежденно и искренне, что мне стало стыдно. У меня на войну ушел один муж, и то я считаю, что это слишком, а он отдал четырех сыновей, двоих уже потерял, третьего, судя по всему, тоже, и считает, что выполнил посильный долг перед родиной. Мне в утешение остались все мои дети, его же сын, единственный вернувшийся с войны, находится за много миль отсюда и, вполне может статься, ждет отца только для того, чтобы сказать последнее "прости". И тут я почувствовала себя такой счастливой! Я так растрогалась, что собрала ему хорошую посылку, дала денег на дорогу и на прощание поблагодарила за преподанный урок.

На некоторое время в столовой воцарилось молчание. Потом раздался голос Джо:

- Расскажи еще что-нибудь. Мне так нравятся твои истории. В них всегда есть над чем задуматься, и в то же время они такие увлекательные.

Миссис Марч улыбнулась и тут же начала рассказывать. Времени на размышление ей не требовалось. Она прекрасно знала, какие истории нравятся детям.

- Жили-были четыре девочки, всего у них было вдоволь - и одежды, и еды, в их жизни было много приятного и радостного. Девочек окружали верные друзья и любящие родственники. И все-таки они не очень-то были довольны такой жизнью.

Сестры многозначительно переглянулись и с удвоенной энергией взялись за шитье.

- Эти девочки хотели быть хорошими, - продолжала миссис Марч, - каждый день они принимали очень важные решения, но дальше этого дело не шло. Вечно какие-то препятствия вставали у них на пути. Они сетовали, что не могут сделать того, что им хотелось бы, и не могут себе позволить жить так, как надо бы. И они с таким упоением предавались страданиям, что совсем забывали, сколько им уже дано. И вот как-то девочкам повстречалась старая волшебница. Они взмолились, чтобы она сделала их счастливыми. "Извольте, - ответила волшебница. - Когда вам кажется, что несчастнее вас нет никого на свете, вспоминайте о том, что у вас есть".

Здесь Джо захотелось прервать рассказ матери. Но, подумав, она решила послушать дальше, и миссис Марч продолжала:

- Девочки послушались волшебницу и поступили так, как она советовала. К великому своему удивлению, каждая из них почувствовала себя намного счастливее, нежели раньше. Одна поняла, что никакое богатство не в силах избавить семью от горя и позора. Другая - что, несмотря на бедность, она молода, полна сил, жизнерадостна и уже поэтому много счастливее какой-нибудь ворчливой старухи. Та хоть и богата, не может наслаждаться благами, которые ей дают деньги. Да, она многое может себе позволить, но все это ей не в радость. Третья убедилась, что, как ни тягостно помогать служанке готовить обед, еще унизительнее просить этот обед в качестве подаяния. А четвертая неожиданно поняла, что кольца с сердоликами ценятся меньше хороших манер и умения держать себя в обществе. И вот, посмотрев на свою жизнь несколько по-иному, девочки начали больше думать не о том, как

приобрести, а о том, как не потерять. Ведь теперь-то они поняли, что обладают очень многим. И мне почему-то кажется, девочки эти никогда не пожалеют, что послушались старую волшебницу.

- Ну и хитрюга ты, Марми! - воскликнула Мег. - Так нас обмануть! Мы думали, ты, как всегда, расскажешь сказку, а ты рассказала историю про нас самих. И показала все наши недостатки. Ты вроде бы говорила и не о нас, а получилась настоящая проповедь.

- Я очень люблю такие проповеди, - задумчиво проговорила Бет, продолжая наводить порядок в швейных принадлежностях Джо. - Похожие истории нам рассказывал папа.

- Я и раньше жаловалась не больше других, а теперь буду особенно следить за собой. Этот случай со Сьюзен меня кое-чему научил, - многозначительно произнесла Эми.

- Ты просто перевернула все в наших душах, Марми. Нет, такого мы никогда не забудем. А если забудем, скажи нам только, как Хлоя в "Хижине дяди Тома": "Думайте о своей пользе, дети, думайте о пользе!" - и мы тут же вспомним, в чем наша польза! - сказала Джо.

История, которую рассказала миссис Марч, тронула Джо не меньше, чем остальных. Однако веселый нрав всегда одерживал у нее верх над чопорностью, и она никогда не упускала случая посмеяться даже над самой серьезной историей.

Глава V

Визит по-соседски

- И куда это ты опять собралась? - спросила Мег, видя, как Джо направилась в переднюю.

- Да вот решила потрудиться на свежем воздухе, - лукаво улыбнулась Джо; на ней был старый плащ с капюшоном и резиновые сапоги, в одной руке она держала метлу, в другой - лопату.

- Мало того, что ты уже два раза сегодня гуляла. Бр-р-р! В такой холод и в такую метель! Мой тебе совет, останься дома и погрейся у огня, - сказала Мег, поведя озябшими плечами и придвинувшись ближе к камину.

- Грейся, если тебе нравится. Я не могу целый день сидеть дома. Мне нужны впечатления. Вот я и хочу посмотреть, что там делается. А заодно и снег почищу.

Мег осталась у огня и продолжала читать "Айвенго", а Джо с присущей ей энергией принялась расчищать от снега дорожки в саду. Рассыпчатый снег убирался легко, и скоро Джо расчистила все дорожки. Оглядев результаты своего труда, она с удовлетворением подумала, что теперь Бет может спокойно разгуливать по саду со всем своим кукольным лазаретом.

Сад и живая изгородь служили своеобразной границей между домами Марчей и Лоренсов. Оба дома находились в пригороде; несмотря на близость городских улиц, тут царила сельская идиллия с рощами, лужайками, большими садами и тишиной. Старый кирпичный дом Марчей давно не ремонтировался и сейчас, зимой, когда цветники и зелень сада не украшали двора, а густой плющ не увивал облупившейся кладки, выглядел довольно убого. Зато по другую сторону живой изгороди высился каменный дом столь внушительного вида, что, едва взглянув на него, можно было с уверенностью сказать: жизнь хозяев протекает в роскоши и комфорте. Во дворе находился огромный каретный сарай, а к ухоженному саду прилегал оранжерея. На окнах виднелись дорогие портьеры, за которыми угадывались богато и изысканно обставленные комнаты. И все же этому благополучному строению чего-то не хватало. Такое впечатление производит каждый дом, если он поминутно не оглашается детскими криками, и в окне, или на пороге, или в саду не показывается то и дело мать, с радостью и тревогой следящая за возней своих отпрысков. В парадное добротного дома Лоренсов редко входили гости. Казалось, дед и внук большую часть времени проводят друг с другом.

Этот странный дом давно будоражил воображение Джо. А так как недостатком воображения она не страдала, он представлялся ей сказочным заколдованным замком. За закрытым парадным мерещилось множество тайн – Джо очень хотелось побывать там. Кроме того, она давно решила подружиться с Лоренсом-младшим, теперь же, после новогоднего бала, ей захотелось этого еще больше. Джо чувствовала, что и Лори не прочь продолжить знакомство, но, видимо, не знает как или стесняется сделать первый шаг.

Поначалу Джо решила, что Лори уехал – он совсем не показывался на улице. Но недавно она увидела его в окне верхнего этажа. Лори не отрываясь смотрел, как Бет и Эми играли в снежки в саду. Во взгляде его было столько тоски, что Джо в который раз убедилась: ему явно не доставало друзей.

"Видимо, его дедушка не понимает, что Лори полезно, а что – нет, – подумала она. – Иначе бы он не держал его взаперти. Вот бы пробраться к ним в дом и сказать старому джентльмену, что я об этом думаю!"

Конечно, Джо никогда бы не решилась дерзить почтенному мистеру Лоренсу, однако попасть в гости к Лори ей действительно хотелось. И вот сегодня ей показалось, что настал подходящий момент. Она заметила, что мистер Лоренс-старший куда-то уехал. Это облегчало задачу. Прокопав тропинку в снегу, Джо подошла вплотную к изгороди и принялась внимательно осматривать сад и дом.

Там царила полная тишина. Окна на первом этаже были задернуты шторами. Казалось, дом необитаем – не было видно даже слуг. Лишь переведя взгляд на окна второго этажа, она заметила, что кто-то внимательно смотрит в сад.

"Да это же Лори! – разглядев кудрявую шевелюру, тут же сообразила Джо. – Бедный! Остаться одному в доме да еще в такой унылый день. А может, он болен? Брошу-ка я, пожалуй, снежок в стекло. Если он меня заметит, постараюсь хоть немного его развлечь".

Мгновение спустя в воздух взлетел плотный комок снега. Голова в окне тут же повернулась. Это действительно был Лори. Заметив Джо, он улыбнулся, и глаза его весело заблестели. Джо в ответ засмеялась и помахала ему рукой.

- Вы что, болеете? - крикнула она. - Надеюсь, ничего серьезного?
- Теперь мне уже гораздо лучше! - распахнув окно, хрипло сказал он. - Я сильно простудился. Мне пришлось целую неделю сидеть дома.
- Бедняга! Вам, наверное, было очень скучно.
- Да уж, не очень весело. Тут мрачно, как на кладбище.
- Читать-то хоть есть что?
- Есть, но мне не позволяют много читать. Нельзя напрягать глаза.
- А вслух вам некому почитать?
- Дед иногда читает. Но ему мои книги кажутся скучными. А Брука мне просить неохота.
- Пригласили бы в таком случае кого-нибудь в гости.
- Тут нет никого, кто бы меня порадовал. О мальчиках, которых я знаю, мне даже подумать страшно. Они поднимают такой шум, что у меня тут же начинает болеть голова.
- В таком случае позовите девочку. Девочки гораздо спокойнее и любят ухаживать за больными. Неужели вы не знаете ни одной девочки, которая пришла бы почитать вам?
- Ни одной не знаю.
- Но меня-то вы знаете, - засмеялась Джо.
- Знаю! - обрадовался Лори. - Приходите! Придете? Я вас очень прошу.
- Я, конечно, не очень спокойная и послушная, но если мама меня отпустит, приду.

Пойду спрошу у нее. А вы будьте умницей. Затворите окно и ждите.

И, размышляя, проявит ли миссис Марч столь же бурный восторг по поводу ее замысла, Джо с метлой наперевес решительно зашагала к дому.

А Лори начал готовиться к приходу гостя. Миссис Марч не зря назвала его маленьким джентльменом. Ожидая Джо, мальчик первым делом тщательно причесался, пристегнул чистый воротничок и слегка прибрал в комнате, где, несмотря на многочисленную прислугу, царил отнюдь не идеальный порядок.

Едва Лори приготовился, как в передней раздался громкий звонок и послышался голос, высказывающий решительное желание увидеть мистера Лори, вслед за чем к юноше примчался лакей и чрезвычайно почтительным тоном доложил, что мистера Лоренса ожидает юная леди.

- Я знаю, это мисс Джо. Проводите ее наверх, - ответил Лори и направился к двери гостиной, куда в сопровождении лакея уже поднималась Джо.

Лицо ее раскраснелось от мороза. Ничуть не смущаясь, она радостно приветствовала Лори. В одной руке девочка несла блюдо, накрытое салфеткой, в другой - корзину, где сидели три котенка Бет.

- Ну вот и я. Я кое-что принесла. Мама просила передать вам привет. Она сказала, что с удовольствием отпускает меня и будет рада, если я действительно сумею вам помочь. Сестры тоже постарались. Мег прислала вам бланманже, она очень вкусно его готовит. А Бет решила, что вас порадуят ее любимые котята.

Бет оказалась права. Лори так увлекся игрой с котятами, что забыл о своей застенчивости и вел себя столь же непринужденно, как и Джо.

- Нет, это слишком красиво. У меня просто рука не повернется разрушить такое! - засмеялся Лори, когда Джо сняла с блюда салфетку.

Бланманже было украшено зеленью и цветами, которые Эми ради такого случая позволила срезать со своей любимой герани.

- Да ну, ерунда какая, - отмахнулась Джо. - Просто все хотели хоть как-то доставить вам удовольствие. Велите горничной подать вам бланманже к чаю. Это вполне полезная пища, главное, она легко проскользнет даже в ваше больное горло. Какая уютная комната! - резко переменив тему, воскликнула Джо.

- Могла бы быть уютной, если бы в ней поддерживали порядок. Но служанки такие ленивые! Сколько ни велю, не желают убираться по-настоящему. Просто не знаю, что делать. Меня так раздражает беспорядок.

- Пустяки. Я в два счета наведу порядок. Надо только подмести около очага и расставить все как следует на каминной полке. Книги положим сюда, пузырьки - сюда. А диван повернем, чтобы на него не падал свет. Так... Теперь взобьем подушки. Ну, вот и все!

Лори глазам своим не поверил. Болтая и смеясь, Джо быстро расставила все по местам, и гостиная совершенно преобразилась. Лори смотрел на все это как на чудо. Когда же Джо попросила его присесть и убедиться, что в комнате стало лучше, он, оглядевшись вокруг, блаженно вздохнул и исполненным благодарности тоном воскликнул:

- Но как вы угадали? Ведь именно так я тут и мечтал все устроить! А теперь вот что. Сядьте, пожалуйста, вон в то мягкое кресло и отдыхайте. Настала моя очередь вас развлекать.

- Ну нет! Это я пришла вас развлекать, - запротестовала Джо. - Хотите, я вам почитаю? - И она обвела жадным взором лежавшие повсюду книги, обложки которых сулили ей увлекательнейшее чтение.

- Нет, спасибо, я все это уже читал. Если вы не против, давайте лучше поболтаем, - ответил Лори.

- Конечно, не против. Я могу болтать целыми днями, стоит только начать. Бет говорит, что, когда я разойдусь, меня вообще остановить невозможно.

- Бет - это та девочка с розовыми щеками, которая почти всегда сидит дома? По-моему, она очень редко куда-нибудь выходит, - заметил Лори.

- Да, это наша Бет. Если бы вы знали, какая она чудная девочка!

- Хорошенькую зовут Мег. А ту, которая с кудряшками, кажется, Эми? - продолжал расспрашивать Лори.

- Правильно! Откуда вы нас так хорошо знаете?

Лори зарделся от смущения:

- Понимаете, вы часто громко зовете друг друга. А когда я остаюсь один, я от скуки гляжу в окно и вижу ваш дом. Мне кажется, вы очень весело живете. Я, конечно, понимаю, это невежливо, но вы иногда забываете задернуть шторы на окне с цветами. Когда вы зажигаете лампу, я все вижу. Для меня это как картина. Сначала я вижу вас всех вместе и вашу маму. Вы сидите вокруг стола. Ваша мама садится как раз против окна. Ее лицо словно обрамляют цветы, и это ей так идет, что я прямо глаз не могу оторвать. У меня ведь нет мамы..

Лори осекся и, нагнувшись, принялся деловито поправлять дрова в камине, но, как ни старался он скрыть свое состояние, Джо успела заметить в его глазах такую тоску, что была потрясена до глубины души. Только сейчас она поняла, как несчастен и одинок этот мальчик.

Джо не любила ходить вокруг да около. В свои пятнадцать лет она сохраняла открытость и прямодушие ребенка. Вот почему, убедившись, что Лори удручен не только болезнью, но и одиночеством, она вдруг оценила сполна то богатство, которым был наделен ее собственный дом. Богатство это именовалось семейным счастьем, и щедрая Джо захотела уступить хоть частичку его Лори. Ее смуглое лицо приняло ласковое выражение, и голос, обычно звучавший резковато, обрел неожиданную мягкость.

- Мы никогда больше не будем задергивать шторы. Можете смотреть на нас, сколько хотите. Но лучше приходите к нам. У нас замечательная мама, вам будет интересно с ней. А Бет я попрошу спеть для вас. Мы с Мег поставим какой-нибудь смешной спектакль. Вам будет весело. Только вот... дедушка позволит вам?

- Если ваша мама попросит его, думаю, позволит. Вообще-то он только с виду такой суровый, а на самом деле добрый и позволяет мне все, что я захочу. Вот только говорит, что ни в коем случае нельзя докучать чужим людям, - объяснил Лори, и, пока он это говорил, лицо его все больше оживлялось.

- Какие же мы чужие? Мы ваши соседи, и никогда вы нам не будете в тягость. Наоборот, мы очень хотим подружиться с вами. Мы не так давно тут живем, но уже знакомы со всеми соседями. Кроме вас.

- Дедушка весь в своих книгах. Остальное, мне кажется, его не слишком волнует. Мистер Брук, мой воспитатель, живет в другом месте, он приезжает к нам. Вот и получается, что мне не с кем выходить. Приходится сидеть дома и наслаждаться своим собственным обществом.

- Это плохо. Вам надо набраться смелости и бывать в гостях. Увидите, у вас быстро заведется куча знакомых, и вам всегда будет куда пойти. И стеснительность ваша пройдет.

Лори покраснел, но нисколько не обиделся на Джо. Пускай она и назвала его стеснительным, на откровенность ее было просто невозможно сердиться. И в голосе Джо, и в ее словах звучало искреннее участие.

Все-таки он сильно смутился и в замешательстве уставился на огонь в камине. Тем временем Джо нетерпеливо оглядывала комнату.

- Вам нравится ходить в школу? - спросил Лори после недолгой паузы, в течение которой усиленно старался побороть свою застенчивость.

- А я не хожу в школу. Я человек дела и долга. Я хожу ухаживать за своей старой тетюшкой. Видели бы вы ее! - ответила Джо.

Лори открыл было рот, чтобы еще о чем-то спросить, но вспомнил, что слишком интересоваться чужими делами невежливо, и промолчал.

Джо оценила воспитанность Лори. Однако из этого не следует, что она решила лишить его подробностей из жизни тетюшки. Напротив, она щедрыми мазками набросала ее портрет, предоставив ему полную возможность посмеяться над выходками вздорной старухи. Джо рассказала ему и про пуделя тетюшки Марч, и про попугая, который умел говорить по-испански. Не забыла Джо и о библиотеке, которая по-прежнему будоражила ее воображение.

Лори был в полном восторге. Больше всего ему понравилась история о пожилом визитере, который, придя в гости к тетюшке Марч, принялся отпускать ей изысканные комплименты. Упиваясь собственным красноречием, пожилой джентльмен не заметил, как попугай сдернул с его головы пышный парик.

Лори так громко хохотал, что привлек внимание горничной, с любопытством заглянувшей в гостиную.

- Это просто великолепно! - воскликнул Лори, вытирая обильные слезы. - Прошу вас, расскажите еще что-нибудь! Это лучше всякого лекарства.

Вдохновленная похвалой, Джо принялась рассказывать о домашних спектаклях, о том, как все они тревожатся об отце и ждут его возвращения, и о других значительных событиях, происходивших в маленьком мирке, который назывался семейством Марч.

Потом беседа перешла на книги. К радости Джо выяснилось, что Лори тоже очень любит читать и даже успел прочесть больше нее.

- Если вы любите книги, пойдете вниз, я покажу вам библиотеку. Дедушки нет дома, так что не смущайтесь.

– Да если бы даже он и был дома! – решительно вскинула голову Джо. – Чего мне бояться?

– Совершенно нечего, – бодро отозвался Лори, в глубине души восхищаясь смелостью Джо.

Сам он придерживался несколько иной точки зрения. Он считал, что лучше не показываться деду на глаза, когда тот пребывает в дурном настроении.

Мальчик пошел вперед, показывая Джо дорогу к библиотеке. Она находилась в противоположном крыле, и ребятам пришлось пройти через весь дом. В доме было хорошо натоплено, повсюду стояли цветы, атмосфера тут царила совершенно летняя.

Когда они наконец вошли в библиотеку, Джо от восторга захлопала в ладоши. Такой красивой библиотеки она еще ни разу не видела. Между огромными шкафами с книгами стояли статуи, простенки украшали картины и застекленные шкафчики, в которых красовались коллекции старинных монет и других редкостей. Глубокие кресла и столики изящной работы были словно созданы для того, чтобы тот, кто сидит тут часами с книгой в руках, не испытывал никаких неудобств. И, наконец, огромный камин, выложенный великолепно расписанными изразцами, показался Джо подлинным шедевром.

– Ну и ну! – воскликнула она, опускаясь в обитое бархатом кресло, и, окинув восторженным взглядом Лори, торжественно заявила: – Теодор Лоренс! Мне кажется, вы должны чувствовать себя самым счастливым человеком на свете.

Но Лори отрицательно покачал головой.

– Для счастья мало одних книг, – ответил он и присел на краешек стола, стоявшего против кресла, в котором утонула Джо.

Она хотела что-то возразить, но не успела еще открыть рот, как в передней послышался звонок. Джо испуганно вскочила.

– Это, наверное, ваш дедушка! – крикнула она.

– Ну и что такого? Ведь вы же сами сказали, что вам нечего бояться.

Так ведь? – не без доли ехидства произнес мальчик.

– Нет, все-таки я, оказывается, немного побаиваюсь его. Сама не знаю почему. Ведь мама мне разрешила пойти к вам. И вроде вам от этого не стало хуже.

Джо немного успокоилась, но по-прежнему напряженно поглядывала на дверь.

– Мне стало гораздо лучше потому, что вы пришли. Я вам очень благодарен. Боюсь только, что утомил вас своей болтовней. Понимаете, мне так приятно разговаривать с вами, что я никак не могу остановиться, – сказал Лори.

– К вам пришел доктор, сэр! – объявила горничная.

- Вы позволите вас на минуту оставить? - галантно обратился Лори к Джо. - Мне придется выйти к нему.

- Обо мне можете не тревожиться. Тут я никогда не соскучусь, - ответила Джо.

Лори ушел, а Джо принялась развлекаться весьма своеобразно. Она встала перед портретом мистера Лоренса-старшего и, как только услышала, что дверь снова открылась, не оборачиваясь, произнесла:

- Уверена, мне совсем не следует его бояться. Лицо у него, конечно, мрачновато, но глаза добрые. По виду он волевой. Конечно, по красоте ему далеко до моего дедушки, но он мне все равно нравится.

- Благодарю вас, мэм, - раздался за ее спиной мрачный голос.

Джо обернулась, и кровь бросилась ей в лицо. Вместо Лори в комнате стоял мистер Лоренс-старший.

Бедная Джо краснела все сильнее, и это продолжалось до тех пор, пока лицо ее не приобрело совершенно пунцовый оттенок. Когда же она вспомнила, сколь фамильярно беседовала с портретом пожилого джентльмена, у нее даже сердце заколотилось. Ее охватило желание сбежать, но она тут же взяла себя в руки. Это показалось ей обыкновенной трусостью, и при одной только мысли, как над ней будут потешаться сестры, Джо ужаснулась. Нет, она останется, чего бы ей это ни стоило! И она стала думать, как преодолеть конфуз. Взглянув еще раз на мистера Лоренса-старшего, девочка убедилась, что, несмотря на седые насупленные брови, выражение его глаз оставалось добрым, даже добрее, чем на портрете. Впрочем, когда старый джентльмен снова заговорил, голос его зазвучал суровее прежнего:

- Значит, вы меня не боитесь, а?

- Не очень, сэр.

- И вы полагаете, что я не так красив, как ваш дедушка?

- Ну, вроде того, сэр.

- И, по-вашему, я очень волевой, так?

- Я же не утверждаю. Я просто говорила, что думала.

- Несмотря на это, я вам нравлюсь?

- Да, сэр.

Ответ Джо пришелся по душе пожилому джентльмену. Он глуховато рассмеялся и пожал ей руку. Потом внимательно посмотрел ей в лицо и кивнул.

- Характером вы в деда. А внешне не похожи. Он был отменно красив, дорогая моя, но гораздо важнее, что он был храбрым и честным. Я горжусь, что дружил с ним.

- Спасибо, сэр, - ответила Джо; теперь она почувствовала себя совсем свободно и заговорила в свойственной ей манере.

- А что вы тут подельвали? - без обиняков осведомился он.

- Я навестила Лори, - ответила Джо и объяснила, как пришла в их дом.

- Значит, вы полагаете, его нужно немного ободрить?

- Именно, сэр. Он у вас такой грустный! Ему нужны друзья. Не знаю, будет ли ему интересно с девочками, но если будет, мы всегда рады его видеть. Спасибо большое за рождественский подарок. Это было так здорово!

- Пустяки, - ответил мистер Лоренс, - не надо меня благодарить. Это все придумал внук. Кстати, как поживает эта несчастная женщина?

- Неплохо, сэр. - И Джо скороговоркой принялась рассказывать о семействе Хуммелей и о том, как миссис Марч удалось привлечь к их судьбе людей гораздо более состоятельных, чем она сама.

- Ну, она вся в отца. Тот тоже вечно о ком-то пекся. Передайте вашей маме, что я обязательно на днях к ней зайду. Слышите звонок? Это к чаю. Не удивляйтесь. Из-за того, что мальчик болеет, мы сейчас пьем чай раньше обычного. Пойдемте в столовую. Продолжайте вести себя по-соседски. Мне нравится, как это у вас получается.

- Если вы действительно хотите, я с удовольствием останусь к чаю, сэр. Все объяснялось довольно просто: и дед и внук Лоренсы вели себя естественно и раскованно. Джо, глядя на них, вела себя так же и потому показала себя с лучшей стороны. Когда встали из-за стола, Джо решила, что ей пора домой. Но Лори заявил, что не успел ей еще показать все, что хотел. Джо повиновалась, и Лори повел ее в оранжерею. Было уже темно, и в оранжерее ради гостя зажгли свет. Выхваченные пламенем свечей, растения выглядели фантастично, и Джо не покидало ощущение, словно она попала в сказочное царство. Они с Лори принялись расхаживать по дорожкам вдоль стен, увитых цветущими растениями. Джо и Лори окутывал влажный теплый воздух, насыщенный ароматами цветов и листвы; деревья отбрасывали тень на дорожки, а с высоты свисали лианы.

Джо восхищалась всем этим великолепием, а Лори собирал букет и остановился, только когда цветы перестали уместиться у него в руках. Тогда он перевязал букет лентой, и лицо его озарила счастливая улыбка.

- Передайте, пожалуйста, эти цветы маме, - сказал он. - Прошу вас, скажите, что сегодня она прислала мне замечательное лекарство; теперь я чувствую себя просто превосходно.

Вернувшись в дом, они нашли мистера Лоренса в гостиной. Он стоял у камина и внимательно смотрел на них. И тут Джо увидела большой рояль с открытой клавиатурой.

- Вы играете? - почтительно взглянув на Лори, спросила она.

- Иногда.

- А вы не могли бы сыграть что-нибудь? Мне очень хотелось бы рассказать потом Бет.

- Может, вы лучше сами сыграете?

- Не умею, - с обезоруживающей простотой возразила Джо. - Я очень люблю музыку, но у меня к ней нет никаких способностей.

Тогда Лори покорно сел за рояль. Он играл, а Джо слушала.

Букет цветов она держала в руках. Теперь, слушая музыку, она уткнулась в букет, вдыхая чудный аромат гелиотропов и чайных роз.

Играл Лори чудесно, и Джо чувствовала, что ее уважение к этому мальчику растет. Жаль только, что Бет не слышит Лори.

Когда он кончил играть, Джо принялась так щедро хвалить его, что бедный Лори вконец смутился. Заметив счастливое выражение, с каким внук внимал комплинтам, дед поспешил вмешаться:

- Ну-ну, полноте, барышня. Вы вконец испортите его. Конечно, играет он вполне сносно, но мне бы хотелось, чтобы он проявил себя в более достойных делах. Вы что, уже уходите? Спасибо за визит. Надеюсь, вы снова навестите нас. Не забудьте передать привет маме. Доброй ночи, доктор Джо!

Старик с чувством пожал Джо руку, однако она заметила, что он чем-то рассержен.

Выйдя в переднюю, Джо не удержалась и спросила Лори, отчего дедушка так сердит.

- Нет-нет. - И Лори отрицательно покачал головой. - Это он не на вас сердито посмотрел. На меня. Дед не любит, когда я играю на рояле.

- Почему?

- Как-нибудь расскажу. Джон проводит вас до дома. Мне, к сожалению, еще нельзя выходить.

- Зачем меня провожать? Я не дама, да и дом мой совсем рядом. Главное, выздоравливайте скорее.

- Надеюсь, вы еще придете?

- Да, если вы даете слово, что, как только поправитесь, придете к нам.

- Конечно.

- Спокойной ночи, Лори.

- Спокойной ночи, Джо. Спокойной ночи.

Когда Джо во всех подробностях рассказала дома о визите, Марчи решили, что в следующий раз в дом мистера Лоренса отправятся все вместе. И каждый при этом думал о своем.

Миссис Марч хотелось побеседовать со старым мистером Лоренсом о своем отце. Мег мечтала пройтись по оранжерее, а Бет изнывала по хорошему фортепиано. Эми тоже нашла для себя кое-что привлекательное: ей хотелось осмотреть картины и статуи в библиотеке.

- Мама, а почему мистер Лоренс не любит, когда Лори играет на рояле? - спросила Джо, у которой не шли из головы слова Лори.

- Точно не знаю, но, кажется, все дело в том, что сын мистера Лоренса, отец Лори, женился на пианистке, она была итальянкой, и сумасбродному отцу это очень не понравилось. Мать Лори была прелестной женщиной: красива, добра, умна, прекрасная музыкантша, но мистер Лоренс не желал с ней знакомиться. И с сыном после свадьбы ни разу не повидался. Молодые прожили недолго. Оба вскоре скончались, и Лори с младенчества живет у деда. Мальчик родился в Италии, сизмальства отличался слабым здоровьем, и дед безумно боится потерять его. Конечно, если не знать историю мальчика, все это может показаться просто чудачеством.

Лори, видимо, унаследовал от матери любовь к музыке и музыкальные способности. Наверное, дед боится, как бы он не захотел стать музыкантом. А может быть, игра внука напоминает мистеру Лоренсу о женщине, которую он так не любил. Вот он и надулся, как изволила выразиться наша дорогая Джо.

- Как все это необычно! - воскликнула Мег. - Ужасно люблю романтические истории.

- Чушь какая! - фыркнула Джо. - Если он хочет стать музыкантом, зачем же мешать? Если его против воли отослать в колледж и заставить корпеть над науками, которые он терпеть не может... Да мистер Лоренс просто исковеркает ему жизнь!

- Теперь мне ясно, откуда у него такие хорошие манеры. И эти черные глаза... Раз он родился в Италии... По-моему, итальянцы вообще удивительный народ, - сказала Мег, проявлявшая любовь к возвышенным страстям и сентиментальным историям.

- Не понимаю, как ты можешь говорить о его глазах и манерах. Ты ведь его и не видела как следует, - удивилась Джо. В отличие от старшей сестры она была напрочь лишена сентиментальности.

- Еще чего! - возмутилась Мег. - Я встречалась с ним на балу. А по твоим словам легко понять, какие у него хорошие манеры. Как очаровательно он выразился по поводу лекарства, которое ему прислала Марми!

- Он что, твое бланманже имел в виду? - спросила Джо.

- Ну до чего же ты у нас неразумная! - засмеялась Мег. - Он имел в виду тебя!

- Да? - округлились глаза у Джо; легко можно было догадаться, что такое простое объяснение просто не приходило ей в голову.

- В жизни еще не встречала такого, - продолжала Мег. - Ты не чувствуешь, когда тебе делают комплимент.

И Мег посмотрела на сестру с видом умудренной, опытной светской львицы, которая прекрасно разбирается в подобных тонкостях.

- Да ну тебя! Не гори чушь и не отравляй мне радость. Я знаю одно: Лори - отличный человек, а про все эти комплименты я и слушать не хочу. Главное, быть к нему как можно внимательнее. У него ведь нет матери. Надо сказать, чтобы он приходил к нам почаще. Правильно, мама?

- Правильно, Джо. Твой друг будет у нас всегда желанным гостем. А тебе, Мег, я хочу напомнить: пока дети могут оставаться детьми, пусть остаются. Взрослыми они успеют стать всегда.

- Если вы меня имели в виду, я уже не ребенок! - воскликнула Эми. - А ты, Бет? Что ты на это скажешь?

- Я думала о "Странствиях пилигрима", - невозмутимо отозвалась Бет. - Помните, как мы вышли из Долины унижений? А теперь нам надо вскарабкаться вверх по Холму. Но для этого нам надо совершить что-нибудь доброе. И вот я подумала... Вдруг этот дом, в котором так много красивых вещей, поможет нам? Может, он станет для нас Чудесным дворцом?

- Но до этого нам надо еще победить Львов, - тут же включилась в игру Джо, и голос ее прозвучал столь решительно, что всем стало ясно: никакие трудности не заставят ее свернуть с пути, который ведет в Чудесный дворец.

Глава VI

Чудесный дворец

Прошло немного времени, и Марчи поняли, что Бет оказалась права. Дом Лоренсов действительно стал для них Чудесным дворцом. Правда, перед этим каждой из сестер пришлось одержать победу надо Львами, самым грозным из которых им казался мистер Лоренс-старший. После того как он нанес визит миссис Марч и у него нашлось для каждой из девочек доброе слово, они перестали его бояться. Точнее все, кроме Бет; она по-прежнему относилась к старому джентльмену с опаской.

Другим Львом была бедность, которую девочки почувствовали острее прежнего. Лори был богат, и сам факт, что они не могут принять его на должном уровне, поначалу доставлял сестрам немалые страдания. Но прошло еще немного времени, и, видя, как Лори день ото дня становится все счастливей и веселей, девочки кое-что поняли - каждое из двух семейств по-своему богато и по-своему бедно. И старается одарить другого тем, что имеет. Задумавшись над этим, девочки перестали мучиться. Так была одержана победа над коварным Львом.

Новая дружба быстро крепла, и каждый день приносил Лори что-нибудь радостное. Однажды он сообщил по секрету своему воспитателю, что Марчи просто отличные девочки.

И действительно, с того момента как сестры Марч вложили в заботу о нем весь свой энтузиазм и всю свою юную энергию, Лори почувствовал себя совершенно по-иному. Дружба дала ему больше, чем сотни самых лучших учебных заведений, ведь он наконец познал нежность женской души, которой был обделен почти с младенчества. У Лори не было ни матери, ни братьев, ни сестер, и дед не мог заменить ему того неповторимого мира, который создают друзья.

Вовлеченный в деятельную атмосферу семейства Марч, Лори не понимал, как мог раньше вести такой скучный и праздный образ жизни. Теперь он стыдился этого. И, как это часто бывает с детьми, которые долгое время жили исключительно в мире книг, Лори почти перестал читать и заниматься науками. Он даже стал сбегать с уроков, предпочитая час-другой провести в обществе Марчей. Кончилось тем, что мистеру Бруку пришлось пожаловаться мистеру Лоренсу.

– Не тревожьтесь, – к удивлению воспитателя ответил мистер Лоренс. – После нагонит. Думаю, ему полезно устроить каникулы. И еще должен заметить, миссис Марч – чудесная женщина. В ее маленьком семействе царят нравы, каких ни в одном монастыре не сыщешь. Так что вреда от этих визитов не будет, а вот счастья и добра он там найдет столько, сколько мы ему с вами вовеки не дадим.

Лори и впрямь веселился у Марчей как никогда в жизни. Каких только забав они не устраивали! Дети ставили спектакли, играли в "живые картины", катались на коньках и в санях. А какие замечательные вечера они проводили в старой гостиной!

Иногда Лори принимал девочек у себя. В такие дни сестры могли делать то, что им больше всего нравилось. Мег разгуливала по оранжерее и рвала цветы. Джо часами просиживала в библиотеке и очень забавляла мистера Лоренса-старшего своими уверенными суждениями о литературе. Эми копировала картины и наслаждалась убранством дома. А Лори играл роль радушного хозяина замка, и, надо заметить, получалось у него это великолепно.

Труднее других приходилось Бет. Она мечтала поиграть на хорошем рояле, но так и не могла отважиться пойти с сестрами в дом, который Мег прозвала Обителью мечты. Однажды Бет, правда, все же пошла туда вместе с Джо, но тут же испугалась мистера Лоренса-старшего. Голос его звучал так резко, он так сурово хмурил брови, что у бедной Бет душа ушла в пятки. Она почла за лучшее пуститься в бегство, а потом заявила сестрам, что даже возможность поиграть на хорошем рояле не заставит ее еще раз пойти к Лоренсам. И сколько ее ни уговаривали, ничего не помогало.

Так длилось до тех пор, пока эта история каким-то образом не дошла до мистера Лоренса. Он сразу же решил исправить дело. В первый же визит к миссис Марч – а он теперь достаточно часто навещал ее – мистер Лоренс исподволь завел разговор о музыке. Он рассказывал о великих певцах, о знаменитых пианистах и органистах, которых ему довелось услышать. Это были

чрезвычайно живые истории, исполненные смешных подробностей. Бет, которая, увидев старого джентльмена, забила в самый дальний угол гостиной, теперь слушала словно замороженная. А потом она, вряд ли сама сознавая, что делает, медленно зашагала к мистеру Лоренсу и, подойдя вплотную, остановилась у него за спиной. Глаза ее округлились, лицо покраснело, девочка слушала, жадно ловя каждое слово старого джентльмена.

Делая вид, что совершенно не замечает Бет, мистер Лоренс как ни в чем не бывало рассказывал миссис Марч о том, как учился Лори и кто его учителя. Потом, словно внезапно осененный какой-то мыслью, сказал:

- Да, кстати, миссис Марч, мальчик сейчас мало занимается музыкой. Признаться, я этому рад, по-моему, он одно время слишком уж ею увлекался. Но рояль портится, когда долго стоит без дела. Может, кто-нибудь из ваших девочек смог бы приходить и играть, просто чтобы рояль держал строй. Вы не против, мэм?

Тут Бет не удержалась и вышла вперед. Руки у нее были крепко сжаты, она боялась, что не выдержит и захлопает в ладоши от радости. При одной мысли, что ей будет позволено заниматься на таком великолепном инструменте, у нее просто дух захватывало.

- Той из девочек, которая захочет прийти поиграть, совершенно нечего стесняться, - продолжал тем временем мистер Лоренс. - Я целыми днями сижу в своем кабинете. Это на другом конце дома, и игра мне совершенно не мешает. Лори тоже часто уходит из дома, а слуг после девяти утра не бывает в гостиной.

Тут мистер Лоренс поднялся, как бы намереваясь уходить. Произошло это именно в тот момент, когда Бет наконец собралась поблагодарить его: все устраивало ее как нельзя более. И тут старый джентльмен снова заговорил:

- Миссис Марч, передайте, пожалуйста, вашим юным леди все, что я сказал. Буду рад, если они откликнутся на мою просьбу. Ну а если нет... Что ж, будет очень жаль.

Бет схватила старика за руку и, подняв на него исполненные благодарности глаза, очень робко, но отчетливо произнесла:

- О да, сэр. Они согласны! Еще как согласны!

- Значит, вы и есть та девочка, которая так любит музыку? - Голос старого джентльмена звучал необычайно мягко, а взгляд был полон участия.

- Да, это я. Меня зовут Бет, и я очень люблю музыку. Если вы действительно уверены, что я никого не потревожу, я буду приходить заниматься.

Произнеся это, Бет сама удивилась. Как она осмелилась так бойко говорить в присутствии чужого человека?

- Дорогая, уверяю, вы никого не потревожите. Приходите и колотите себе по клавишам сколько угодно. Я буду вам только благодарен за это.

- Вы так добры, сэр!

Под ласковым взглядом мистера Лоренса Бет совсем покраснелась, но не от смущения, а от радости. Мистер Лоренс был так тактичен, что Бет перестала робеть и говорила с ним не менее свободно, чем со своими родными, отнюдь не из вежливости, а от переполнявших ее чувств, через каждое слово вновь и вновь принимаясь благодарить его. Пожилой джентльмен легонько откинул ей со лба волосы и, нагнувшись, поцеловал девочку.

– У меня была внучка, и она смотрела на меня точь-в-точь, как ты сейчас, – сказал он неожиданно ласково. – Да благословит тебя Бог, крошка! До свидания, миссис Марч! – И, кивнув всем, старый джентльмен поспешно ушел.

Оставшись наедине с матерью, Бет обрушила на нее поток ликования, а затем поделилась радостью с семейством кукол-инвалидов.

Больше слушателей у нее пока не нашлось, потому что сестер не было дома.

В тот вечер Бет пела проникновенно, как никогда. А ночью произошел такой забавный казус, что в семье еще долго вспоминали о нем. Эми проснулась оттого, что кто-то теребил ее за лицо. Она открыла глаза и увидела Бет, которая усиленно разыгрывала на ее щеках быстрые пассажи. Видимо, во сне она уже наслаждалась прекрасным роялем мистера Лоренса.

На другой день, дождавшись, когда мистеры Лоренсы ушли из дома, Бет отправилась заниматься. Правда, чувствовала она себя весьма стесненно. И только с третьего раза решилась войти в дом. Она прокралась на цыпочках в гостиную, где на трех массивных ногах стоял предмет ее вожделений. На пюпитре она увидела томик прелестных, но несложных фортепианных пьес. Все еще внимательно вслушиваясь, не раздадутся ли чьи-нибудь шаги, Бет подняла крышку и дрожащими пальцами коснулась несравненной клавиатуры. Взяв несколько аккордов, она забыла обо всем на свете и играла до тех пор, пока не увидела перед собой Ханну, которая пришла звать ее к обеду.

За обедом Бет почти ничего не ела. В воображении она все еще играла на рояле и блаженно улыбалась чарующим звукам, которые улавливала внутренним слухом.

С тех пор фигурка, увенчанная остроконечным коричневым капюшоном, почти каждый день незаметно проскальзывала в соседний сад. В гостиной Лоренсов Бет появлялась так тихо и так тихо потом исчезала, что казалось, роялем пользовался не человек, а какой-то призрак. Бет так и не суждено было узнать, что, когда она, увлеченная музыкой, забывала обо всем на свете, мистер Лоренс открывал дверь своего кабинета и слушал ее игру. Бет очень любила играть вещи старых композиторов, и в этом ее пристрастия совпадали со вкусами мистера Лоренса. Не знала Бет и того, что Лори, как верный страж, занимал пост в передней и бдительно следил, как бы кому из слуг не вздумалось войти в гостиную. Он боялся, что любое вторжение спугнет Бет. Не догадывалась она и о том, что сборники пьес и упражнений, которые она ежедневно находила на пюпитре, оставляли специально для нее. Когда же, приходя к Марчам, Лори заговаривал с Бет о музыке, девочка искренне удивлялась, как это он угадал, что волнует ее в музыке. Словом, она пребывала в полном блаженстве – сбылась самая заветная ее мечта.

За эту редкостную способность радоваться жизни судьба преподнесла Бет еще один, гораздо более щедрый дар.

- Мама, я решила вышить мистеру Лоренсу тапочки, - сказала однажды Бет. - Он так добр ко мне. Мне хочется сделать ему хоть что-то приятное. А что я еще могу придумать? Я умею только вышивать. Как ты считаешь, стоит мне это сделать?

Разговор происходил несколько недель спустя после достопамятного визита мистера Лоренса.

- Конечно, милая. Он очень обрадуется. Сестры помогут тебе, а я куплю все, что для этого нужно, - тут же отозвалась миссис Марч.

Бет так редко обращалась с просьбами, что мать всегда была готова прийти ей на помощь.

После длительных обсуждений Бет остановила выбор на узоре из анютиных глазок, решив, что именно эти цветы редкостно сочетают в себе мужественную простоту и жизнерадостность. Фоном для вышивки на семейном совете подобрали лиловую ткань, и Бет принялась трудиться. Она старалась все делать сама и обращалась к сестрам лишь в особо трудные моменты. Впрочем, Бет была достаточно искусной мастерицей, и тапочки были вышиты раньше, чем эта затея успела надоесть всем в доме. Затем она сопроводила свой дар короткой запиской, и Лори тайно положил подарок на письменный стол старого джентльмена.

Бет стала терпеливо ждать, как откликнется на ее дар мистер Лоренс. Прошел день, потом - следующий. Бет забеспокоилась, не обиделся ли своенравный джентльмен. И вот как-то Бет вышла из дома прогулять большую куклу Джоанну. Возвращаясь обратно, девочка еще с улицы заметила в окне гостиной сестер, нетерпеливо посматривающих, как она приближается к дому. Как только она подошла ближе, сестры закричали:

- Иди скорее! Тебе письмо от мистера Лоренса. Ты только посмотри, что он тебе прислал!

- О, Бет, он тебе прислал... - начала Эми. - Он прислал...

Но тут Джо оттащила ее в сторону и захлопнула окно.

Сгорая от нетерпения, Бет поспешила в дом. Сестры поджидали ее у дверей и, как только она вошла, потащили ее в гостиную.

- Смотри! Смотри! - хором закричали они. - Вот здесь.

Повернув голову туда, куда показывали сестры, Бет едва не лишилась чувств от восторга. В углу гостиной стоял новенький кабинетный рояль. На полированной крышке белела записка, на которой, словно фабричное клеймо, значилось "Мисс Элизабет Марч".

- Неужели это мне? - едва слышно выдохнула Бет.

– Тебе, тебе, дорогая моя девочка! Это так трогательно с его стороны! Ну, кто теперь может сказать, что это не самый лучший старик на свете? Ключ от рояля в конверте с письмом. Мы не стали вскрывать его. Но прочти, пожалуйста, скорее. Мы просто умираем от любопытства! – вскричала Джо, протягивая сестре конверт.

– Прочти вслух, я не могу! – ответила Бет; не выдержав, она уткнулась в передник Джо и заплакала.

Джо разорвала конверт и начала читать:

"Моя дорогая мисс Марч! Очаровательная мадемуазель!"

– Хотела бы я, чтобы меня когда-нибудь назвали "мадемуазель"! – мечтательно проговорила Эми.

Старомодное обращение мистера Лоренса показалось ей верхом элегантности.

"Много пар тапочек износил я в своей жизни, – продолжала читать Джо, – но ни одни мне еще не пришлись настолько по душе, как Ваши. Да будет Вам известно, анютины глазки – мои любимые цветы, и теперь, благодаря Вам, я могу часто любоваться ими и, разумеется, с радостью вспоминать ту, которая доставила мне такое удовольствие. Вот почему я не в силах оставаться у Вас в долгу. Знаю, что Вы позволите старому джентльмену послать Вам то, что, как ему известно, Вам наверняка придется по сердцу. Этот рояль принадлежал моей маленькой внучке, которой, увы, уже нет в живых.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас и пожелать успехов!

Ваш верный друг и покорный слуга Джеймс Лоренс".

– Да, Бет, ты можешь гордиться! Мистер Лоренс оказал тебе очень большую честь. Он души не чаял в своей внучке. Лори рассказывал мне, как дед бережет все ее вещи. Он дарит тебе ее рояль! И все за твои прекрасные голубые глаза и за то, что ты так любишь музыку! – полушутя-полусерьезно воскликнула Джо, главной задачей которой было хоть немного успокоить сестру.

Бет так разволновалась, что никак не могла унять дрожь.

– Гляди, какие изящные подсвечники! А шелк, присборенный золотой розой... Никогда еще не видела такого красивого пюпитра! И банкетка хороша. Прекрасная работа! – восторгалась Мег.

Потом она открыла клавиатуру, словно призывая всех насладиться совершенством механики.

– "Ваш верный друг и покорный слуга Джеймс Лоренс"! – повторила Эми, словно произнося заклинание. – Подумать только! Когда я расскажу девочкам в школе, они просто лопнут от зависти!

Письмо мистера Лоренса произвело на Эми неотразимое впечатление.

- Ну-ка, детка, попробуй сыграть, - сказала Ханна, без которой в этой семье не обходились ни радости, ни горести. - Послушаем, золотко мое, как он работает!

Бет села за фортепиано, и, стоило ей взять несколько аккордов, как все сошлось во мнении, что это самый замечательный инструмент, который они когда-либо слышали. Судя по всему, перед тем как преподнести фортепиано Бет, старый джентльмен распорядился отреставрировать и настроить его.

Рояль звучал действительно превосходно. Счастливые лица слушательниц и самой Бет, которая с каким-то особым наслаждением касалась клавиатуры и педалей, казалось, придавали чудесному инструменту волшебные качества.

- Бет, поблаговари его, - сказала Джо, не надеясь, что робкая девочка без подготовки отважится на такой отчаянный поступок.

- Да я сама уже думала... Пожалуй, я прямо сейчас и пойду. Иначе начну стесняться и, чего доброго, испугаюсь.

К изумлению всего семейства, Бет решительно направилась через сад к дому Лоренсов.

- Чтобы мне провалиться на этом месте, если я когда-нибудь видела такое! - воскликнула Ханна. - Этот рояль просто свел ее с ума. В здравом уме наша девочка нипочем не решилась бы пойти без приглашения!

И служанка задумчиво посмотрела вслед удаляющейся фигурке.

Сестры тоже восприняли поступок Бет как чудо и на какое-то время лишились дара речи.

Доведись им увидеть, как повела себя Бет у Лоренсов, они удивились бы еще больше. Не давая себе времени на раздумья, девочка решительно прошествовала прямо к кабинету и постучала в дверь. Когда в ответ раздалось сухое "Войдите!", она подошла к крайне изумленному мистеру Лоренсу и, протянув ему руку, с дрожью в голосе произнесла:

- Я пришла, сэр, сказать вам большое спасибо за...

Но она не договорила. Увидев добрый взгляд старика, девочка вдруг вспомнила, что он лишился любимой внучки, и, забыв тщательно приготовленную речь, крепко обхватила его за шею и поцеловала.

Даже если бы потолок внезапно обрушился ему на голову, мистер Лоренс удивился бы меньше. Искренний порыв Бет так растрогал его, что он разом забыл и о своем возрасте, и о положении, и о многом другом, о чем обязаны помнить пожилые джентльмены, наделенные богатством и властью. Усадив Бет к себе на колени, старый джентльмен прижался морщинистой щекой к ее лицу и вдруг почувствовал себя так, словно его любимая внучка внезапно воскресла. Да и у Бет было легко на душе.

Так доброта и любовь одерживают победу над робостью, а благодарность смиряет гордыню.

Когда Бет собралась домой, мистер Лоренс проводил ее до калитки. Он остановился, крепко пожал ей руку и, почтительно приподняв шляпу, удалился осанистой походкой, которая подобает джентльмену его круга.

Все это сестры наблюдали из окна, каждая из них по-своему выражала восторг – Джо отплясывала джигу, Эми едва не вывалилась из окна, а Мег, воздев руки к небу, воскликнула:

– Мне кажется, настал конец света!

Глава VII

Долина унижений

– Просто циклоп какой-то! – воскликнула Эми, увидев однажды Лори, который пронесся верхом на лошади мимо их дома.

– Как тебе не стыдно так говорить! – оскорбилась за друга Джо. – У него глаза на месте, и глаза очень красивые!

– Да чего ты надулась?! – удивилась Эми. – При чем тут его глаза? Я просто хотела сказать, что он здорово ездит верхом.

– Ну и ну! – захохотала Джо. – Перепутать кентавра с циклопом!

И Джо засмеялась еще громче.

– Не очень-то, замечу тебе, вежливо смеяться надо мной.

Учитель говорит, что такое с каждым случается. Это называется оговорилась, – заметила Эми и, решив, что достаточно пристыдила сестру своей ученостью, бросила на нее победоносный взгляд. – А вот что бы мне хотелось, – продолжала Эми, словно беседуя сама с собой, но явно надеясь, что сестры услышат ее, – так это иметь хоть немного из тех денег, которые Лори тратит на лошадь.

– Зачем? – спросила Мег.

А Джо ничего не спросила. Услышав ученое слово "оговорка", она снова зашлась хохотом и теперь никак не могла успокоиться.

– Мне необходимы деньги, – важно ответила Эми. – Я вся в долгах, а карманные расходы я получаю только через месяц.

– Вся в долгах... – задумчиво повторила Мег. – Как прикажешь тебя понимать, Эми? – И она встревоженно посмотрела на сестру.

– Я должна одиннадцать, а может, даже двенадцать лимончиков. И пока не получу деньги, я не смогу их отдать. Мама не разрешает мне брать в кредит.

Все это Эми произнесла с таким серьезным и напыщенным видом, что Мег едва удержалась от смеха. Все же она сумела взять себя в руки и спросила:

– Зачем, скажи на милость, тебе конфеты?

- Понимаешь, - объяснила Эми, - девочки то и дело покупают их в лавке. Если не покупать, тебя сочтут жадиной. Этими лимончиками все теперь у нас увлекаются. Держат в партах и сосут во время уроков. А на переменах выменивают. То на карандаши, то на бумажных куколок, то на бисеринки или еще на что-нибудь... Если девочка хочет подружиться с другой девочкой, она подходит к ней на перемене и дает лимончик. А если, наоборот, кто-то кого-то не любит, он встает рядом, сосет свой лимончик и не угощает. Друзья по очереди покупают лимончики на всю компанию. Меня уже столько раз угощали! Мне давно пора угостить приятелей, а я все никак не могу. Иначе я буду опозорена. Это вопрос чести!

- Сколько тебе нужно, чтобы разделаться с долгами? - спросила Мег, вынимая кошелек.

- Четверти доллара хватит. Даже еще останется несколько центов. Тогда я угощу тебя. Ты любишь лимончики?

- Не слишком. Можешь съесть мою долю, уступаю тебе. Держи деньги и постарайся, чтобы их хватило подольше. Сумма-то, скажу я тебе, небольшая.

- Спасибо! Наверное, очень приятно, когда у тебя все время есть карманные деньги. Ну и пир же я закачу! Признаться, на этой неделе я не съела ни одного лимончика. Не влезать же в новые долговые обстоятельства!

- Обязательства, Эми! - поправила сестра.

- Неважно. Главное, мне так хочется лимончика!

На другой день Эми явилась в класс с довольно большим опозданием. Зато в руках она держала влажный кулек. Прежде чем спрятать его в парту, Эми с гордостью продемонстрировала кулек классу. Пять минут спустя класс знал, что Эми принесла двадцать четыре отменнейших лимончика. Двадцать пятый она съела по дороге в школу, остальные предназначаются подружкам. Девочки наперебой принялись оказывать Эми знаки внимания. Кэти Браун немедленно пригласила ее на ближайший прием, который устраивала для подруг; Мери Кингсли почти насильно всучила Эми свои часы и сказала, что она может пользоваться ими до следующей перемены. А насмешница Дженни Сноу, еще недавно коварно издевавшаяся над несостоятельностью Эми, разом прекратила военные действия и, нащупывая почву для мирных переговоров, пообещала подсказать решение самых сложных математических задач. Впрочем, жертва Дженни была бессмысленна, слишком серьезно было нанесенное оскорбление. Ведь насмешница не просто язвила над некредитоспособностью Эми, а затронула болезненное место, упомянув неких не в меру заносчивых особ, которые чуют на расстоянии чужие лимончики, даром, что носы у них приплюснутые. Теперь Эми не могла упустить случая и взяла реванш.

- Зря стараешься, - ответила она, - все равно ничего не получишь.

В тот же день школу посетил некое высокопоставленное лицо. Гость удостоился похвалы географические карты, начертанные Эми, и это похвальное слово отозвалось болью в сердце спесивой мисс Сноу. Однако мгновение спустя Эми

собственной неразумностью свела на нет то, что могло бы вылиться в блистательную победу над соперницей. Забыв о пагубности гордыни, Эми наградила вышеупомянутую особу таким высокомерным взглядом, что та не выдержала и повернула дело в совсем не выгодную для Эми сторону.

Не успели отзвучать похвалы почтенного посетителя, как Дженни подняла руку и, после того как учитель, мистер Дэвис, предоставил ей слово, сообщила во всеуслышание, что мисс Марч прячет в парте лимончики.

Ужасное коварство! Ведь не кто иной, как мистер Дэвис некоторое время назад объявил лимончики преступным лакомством и провозгласил, что покарает первую же ученицу, которая посмеет наслаждаться лимончиками в классе.

Мистер Дэвис славился изобретением новых дисциплинарных мер. Широкою известность снискала осада, коей сей уважаемый джентльмен подверг жевательную резинку. Затем он устроил серию показательных аутодафе, эффектно покончив с чтением на уроках художественной литературы, а также перепиской между ученицами. Потом пресек создание карикатур и запретил ученицам строить рожи. Можно сказать, душа мистера Дэвиса горела пламенем запретов, и он отдавался снедающей его страсти со всей энергией, на какую только способен волевой и крепкий мужчина, наделенный властью над полусотней мятежных школьниц.

Надо заметить, вверенные его заботам в долгу не оставались: коварство, которое порой проявляют по отношению к учителям мальчики, ничто в сравнении с изобретательностью девочек. В особенности, если дело идет о желчном джентльмене с замашками диктатора и полным отсутствием педагогического дара. Мистер Дэвис знал греческий, латынь, математику и много других наук. На этом основании он снискал репутацию хорошего учителя. Как нередко случается в подобных случаях, никому из людей, от которых зависела педагогическая судьба мистера Дэвиса, ни разу не пришло в голову, что, быть может, при всей учености, джентльмен этот и своими манерами, и душевными качествами являет далеко не идеальный пример для питомцев. Как бы там ни было, мистер Дэвис делал то, что он делал.

Дженни выбрала более чем подходящий момент. Сегодня мистер Дэвис пребывал в особенно раздражительном состоянии. Поутру ему подали слишком крепкий кофе, пронзительный ветер на улице вызвал у него боль в пояснице, ученицы вели себя не так почтительно, как должно, по мнению достопочтенного мистера Дэвиса. Словом, мистер Дэвис в тот день испытывал почти демоническую свирепость и жаждал крови. Вот почему упоминание о лимончиках оказалось той спичкой, которую коварная Дженни поднесла к бочке с порохом. Бледное лицо мистера Дэвиса приобрело пунцовый оттенок, он с такой силой обрушил кулак на кафедру, что Дженни была не рада своей затее и с несвойственной ей поспешностью ретировалась.

– Слушайте меня внимательно, юные леди! – строго скомандовал мистер Дэвис.

Шепоток в классе моментально смолк, и пятьдесят пар разноцветных глаз послушно воззрились на искаженную гневом физиономию мистера Дэвиса.

– Мисс Марч, к доске! – грянула новая команда.

Эми встала. На вид она была совершенно спокойна, но это стоило ей немалых усилий, ибо совесть, отягощенная лимончиками, давила все ее существо.

– Возьмите с собой лимончики, которые лежат в вашей парте, – неожиданно подал еще одну команду мистер Дэвис.

Эми в ужасе замерла на месте.

– Не бери все, – шепнула ей соседка по парте, проявив свойственную ей находчивость.

Эми послушалась. Быстро вытряхнув из кулька штук шесть лимончиков, она отнесла остальное мистеру Дэвису. Впрочем, Эми надеялась на благополучный исход. Она не сомневалась, что любой человек, пусть даже это мистер Дэвис, не устоит, почувствовав восхитительный запах лакомства. Но, на ее несчастье, запах лимончика казался мистеру Дэвису отвратительным, и он распалился еще сильнее.

– Это все?

– Не совсем, – прошептала Эми.

– Сейчас же принесите остальные!

Кидая отчаянные взгляды на девочек, Эми повиновалась.

– Вы уверены, что больше ничего не осталось?

– Я никогда не лгу, сэр.

– Ладно! А теперь возьмите эту мерзость в руки. Берите, берите по две и кидайте в окно.

И тут в классе словно подул ветер. Это у юных леди, лишенных последней надежды на лакомство, вырвался единый, исполненный тоски вздох. Двенадцать раз Эми проделала позорный путь от учительского стола к окну. И каждый раз, едва очередная пара отменных лимончиков вылетала из окна, окрестности оглашали радостные крики, усугублявшие страдания Эми и ее друзей. Ведь по этим возгласам легко было догадаться, что лимончики достались мальчишкам из одного ирландского семейства, которые давно вели войну с Эми и ее компанией.

Такого никто не смог снести спокойно, и все, кому предназначалось лакомство, наградили мистера Дэвиса негодующими взглядами. А одна девочка, особенно страстно любившая лимончики, разрыдалась.

Когда все лимончики улетели за окно, мистер Дэвис удовлетворенно хмыкнул и внушительным тоном провозгласил:

– Юные леди! Вы, вероятно, помните, что я сказал вам на прошлой неделе. Сожалею, что так случилось, но я ни-ког-да не позволю нарушать правила. Я всегда держу слово. Мисс Марч, протяните руку.

Эми вздрогнула и, с мольбой посмотрев на учителя, завела руки за спину. У старикашки Дэвиса, как прозвали его ученицы, Эми ходила в любимицах. Встретившись с ней взглядом, почтенный педагог готов был сменить гнев на милость, но тут, на беду, одна из сочувствующих Эми девочек возмущенно хмыкнула. Это прозвучало очень тихо, но раздражительному мистеру Дэвису даже столь слабого возмущения оказалось достаточно, чтобы порыв к милосердию моментально исчез.

- Протяните руку, мисс Марч! - снова приказал он.

Так ответить на ее немую мольбу! Гордость не позволяла Эми плакать или просить пощады. Стиснув зубы и величественно откинув голову, она исполнила приказание и, не дрогнув, вынесла несколько жгучих ударов по ладони. По правде сказать, мистер Дэвис ударял несильно, но Эми, которую в жизни никто пальцем не тронул, наказание показалось столь оскорбительным, словно мистер Дэвис сбил ее с ног.

- А теперь встаньте на помост и оставайтесь там до конца урока! - приказал мистер Дэвис, любивший все доводить до конца.

Эми не ожидала такого. Она с ужасом думала об унижении, которое предстоит ей, когда она вернется на место и до конца урока ее будут преследовать сочувственные взгляды подруг и злорадные - соперниц.

Но стоять на помосте перед всем классом!.. Сама мысль об этом казалась Эми невыносимой, она была уверена, что ей не выдержать испытания. Впоследствии Эми говорила, что если она не упала замертво перед классом, то лишь благодаря негодованию, которое вызвала в ней Дженни Сноу. Подняв голову, Эми уставилась на дымоход и так, глядя поверх класса, простояла до конца урока.

Через пятнадцать минут прозвенел звонок и освободил ее. Эми навсегда запомнила пережитое унижение. Долгое время она считала, что это были самые страшные четверть часа в ее жизни.

"Как я расскажу об этом дома! - ужасалась она. - Ведь теперь они не будут относиться ко мне как раньше!" Уверенность, что после наказания, которому ее подверг мистер Дэвис, она навеки унижена, не оставляла ее. Вот почему пятнадцать минут, проведенные на помосте, показались девочке чуть ли не вечностью. Но все проходит, и никогда еще звонок, возвещающий о начале перемены, не приносил Эми такого облегчения.

- Можете идти, мисс Марч, - тихо сказал мистер Дэвис. Чувствовалось, что ему самому было не слишком легко на душе.

Эми кинула на него такой укоряющий взгляд, что учитель запомнил его навсегда. Потом, ни слова не говоря, Эми направилась в раздевалку и, схватив свои вещи, покинула это кошмарное место - навсегда, как ей казалось в тот момент.

Домой Эми вернулась в совершенно расстроенных чувствах. Когда пришли старшие сестры, состоялся экстренный семейный совет, решительно осудивший поступок мистера Дэвиса. Миссис Марч говорила меньше других, зато больше всех утешила обиженную дочку. Мег омыла оскверненную учителем ладонь

глицерином, а затем собственными слезами. Бет совершенно растерялась: до сих пор она считала, что ее котята утешат кого угодно. Но сейчас поняла: даже такое сильное средство не может унять горя Эми. Что касается Джо, то она не стала ходить вокруг да около и объявила, что требует ареста мистера Дэвиса и наказания одного по всей строгости закона. А Ханна по простоте душевной на чем свет кляла душегуба и так при этом энергично растирала пестиком пюре, точно в ступе у нее был не картофель, а сам мистер Дэвис.

В классе исчезновение Эми особенного внимания не привлекло. Его заметили лишь близкие подруги. Зато ни от кого из девочек не укрылось другое: после перерыва мистер Дэвис неожиданно для всех начал проявлять какую-то лихорадочную доброжелательность.

Перед самым концом занятий в класс вошла Джо. Напустив на лицо самое что ни на есть угрюмое выражение, она промаршировала от двери к доске, где молча вручила учителю письмо от миссис Марч. Затем собрала учебники Эми и величественно удалилась, не забыв перед выходом на улицу тщательно вытереть ноги о школьный половик. Она словно избавлялась от пыли сего тлетворного, по ее убеждению, места.

– Хорошо, я разрешаю тебе не ходить в школу, – сказала вечером того же дня миссис Марч, обращаясь к Эми. – Будешь каждый день заниматься вместе с Бет. Я против телесных наказаний. К тому же мне не нравится, как этот мистер Дэвис преподает. Да и девочки, с которыми ты познакомилась в школе, не научили тебя ничему хорошему. Я напишу папе. Пусть он посоветует, в какую школу тебя отдать.

– Хотела бы я, чтобы от него ушли вообще все девочки. Тогда бы эта мерзкая школа закрылась! Мне только лимончиков жалко. – И Эми, которая сегодня чувствовала себя настоящей мученицей, глубоко вздохнула.

– А мне совсем не жаль. Ты потеряла их, потому что плохо себя вела. Это наказание ты заслужила, – неожиданно строго ответила мать.

Эми опешила. После того как ей весь день выражали сочувствие, строгое поучение матери прозвучало особенно странно.

– Значит, ты радуешься, что меня опозорили перед всей школой? – крикнула Эми.

– Ну, я бы наказала тебя по-другому, – ответила миссис Марч. – Хотя и не уверена, что более мягкое наказание заставило бы тебя о чем-то задуматься. Ты становишься, моя милая, слишком самоуверенной и спесивой. В тебе много хорошего, и способностями тебя Бог не обделил. Но ты чересчур гордишься своими достоинствами. Запомни: самомнение губит даже гениального человека. Настоящий талант или настоящую доброту нечего выставлять напоказ. Их и так рано или поздно заметят. А если и не заметят, уже само то, что Господь наделил человека таким даром, – достаточная награда. И запомни, самая очаровательная черта подлинного таланта – это скромность.

– Верно! – воскликнул Лори из угла гостиной, где сражался в шахматы с Джо. – Я знал одну такую девочку. У нее был настоящий талант к музыке, а она

даже не подозревала об этом. Если бы ей кто-нибудь сказал, какие прелестные пьески она сочиняет, когда остается один на один с роялем, она решила бы, что над ней смеются.

– Хотела бы я познакомиться с этой девочкой, – сказала Бет, – она, наверное, согласилась бы мне помочь. Я так мало делаю успехов.

– Вы ее знаете, и она вам уже помогает, – ответил Лори и так лукаво улыбнулся, что Бет вдруг покраснела и, пораженная внезапным открытием, зарыла лицо в подушки дивана.

После этого не было никакой возможности засадить Бет за рояль. А Джо в благодарность за комплимент своей любимице нарочно приказала играть Лори. Это еще больше подняло его настроение, которое, впрочем, бывало превосходным всегда, когда он гостил у Марчей. Он тут же согласился заменить за роялем Бет и усладил слух Марчей прекрасной игрой и пением.

Когда Лори ушел, Эми долго с задумчивым видом сидела в гостиной. Потом она вдруг спросила:

– Лори способный мальчик?

– Да, очень. И образование получил отличное. Если его не избалуют, из него вырастет прекрасный человек, – ответила мать.

– Неужели он не гордится собой? – удивилась Эми.

– Ничуть. В том-то и заключается его очарование. Он талантлив, но относится к этому так просто, словно тут нет ничего особенного.

– Ясно. Значит, обладать разными достоинствами и быть элегантным хорошо. Просто не надо показывать вида и хвалиться, – с прежней задумчивостью произнесла Эми.

– Как бы человек ни скромничал, талант и воспитание ни от кого не укроются. Вот почему и не следует их выставлять напоказ, – объяснила миссис Марч.

– Представь себе, у человека есть много туфель, платьев, шляпок, и вот он все их одновременно нацепит! – вмешалась в разговор Джо.

В ответ раздался дружный смех, и, может быть, именно благодаря этому Эми часто потом вспоминала, как они сидели и беседовали в гостиной после ухода Лори.

Глава VIII

Ангел бездны

В субботу днем, зайдя в комнату старших сестер, Эми увидела, что они собираются уходить.

– Девочки, вы куда? – спросила она.

- Куда надо, - недовольно буркнула Джо. - Разве тебя не учили, что маленькие девочки не должны задавать старшим таких вопросов?

Вряд ли можно сказать что-либо обиднее для ребенка. Услышав подобную отповедь, которую Джо завершила напутствием: "Шла бы ты лучше играть в свои игрушки!" - Эми содрогнулась от обиды. Теперь она считала делом чести выведать тайну сестер. Повернувшись к Мег, которая обычно ни в чем ей не могла отказать, она принялась канючить:

- Ну скажи, куда вы идете? Возьмите меня с собой. Бет возится с куклами, а мне совсем нечего делать. Мне скучно.

- Не могу, милая, - ответила Мег. - Тебя ведь не приглашали и..

- Замолчи, Мег, - перебила Джо, - ты все испортишь. Эми, тебе с нами нельзя. Так не капризничай. Займись делами.

- Я знаю, вы куда-то собрались вместе с Лори. Вчера вечером вы о чем-то шептались и веселились, а когда я подошла, сразу замолчали. Значит, вы идете с ним, да? - не отставала Эми.

- Да, да, - отмахнулась от нее Джо. - А теперь замолчи, пожалуйста, и оставь нас в покое.

Эми умолкла, но уходить не собиралась. Напротив, она продолжала во все глаза следить за сестрами. Вскоре ее внимание было вознаграждено: Мег положила в карман веер.

- Поняла! Поняла! - закричала Эми. - Вы идете в театр смотреть "Семь замков"! Я тоже пойду! - решительно добавила она. - Мама сказала, что мне можно смотреть эту пьесу. Карманные деньги я уже получила. Почему вы раньше мне не сказали?

- Успокойся и будь умницей, - принялась увещевать сестру Мег. - Марми просто не хотела, чтобы ты шла в театр на этой неделе. У тебя после болезни недостаточно окрепли глаза. А на следующей неделе ты обязательно пойдешь вместе с Бет и Ханной. Это чудесная сказка. Тебе она очень понравится.

- Нет, я хочу пойти вместе с вами и с Лори! Ну пожалуйста, возьмите меня с собой! Я так долго просидела дома из-за этой проклятой простуды. Мне очень хочется пойти сегодня. Прошу тебя, Мег. Я буду хорошо себя вести, - снова принялась просить Эми, глядя на сестру самым что ни на есть трогательным взглядом.

- Может, возьмем ее? Если мы ее как следует закутаем, мама, наверное, не будет возражать, - предложила Мег, уже готовая уступить любимице.

- Если она пойдет, останусь я. А если я останусь, Лори обидится. Это будет просто невежливо с нашей стороны. Ведь он пригласил только нас с тобой. Как же мы можем тащить с собой Эми? Мне бы на ее месте было бы противно напрашиваться! - сердито проговорила Джо.

Ей хотелось в театр, а не оставаться сиделкой с беспокойной младшей сестрой. Но, стремясь избавиться от Эми, Джо на деле добилась прямо противоположного. Услышав раздраженную отповедь, Эми разозлилась и с самым вызывающим видом заявила:

- Нет, я пойду! Мег согласна меня взять, а заплачу я из собственных денег. При чем же тут Лори?

- Ты не сможешь сесть с нами рядом, потому что места нам заказаны заранее. А одной в театре тебе сидеть еще рано. Значит, Лори из-за твоих капризов вынужден будет уступить тебе место. Тебе будет удобно, а ему и нам весь вечер будет испорчен. В общем, никуда ты не пойдешь, - сказала Джо, и на этот раз голос ее звучал гораздо более сердито, потому что, пререкаясь с Эми, она больно уколола себе палец.

Эми в это время натянула на ногу ботинок. Услышав, что Джо ни под каким видом не соглашается ее брать, она застыла с другим ботинком в руке и громко разрыдалась. Мег бросилась успокаивать сестру. В это время снизу донесся голос Лори; он спрашивал, готовы ли девочки. Сестры поспешили к нему. Эми осталась в комнате. Забыв о светских манерах и о том, что считает себя совершенно взрослой, она заплакала навзрыд. Впрочем, такое с Эми случалось всегда, когда она не добивалась того, чего хотела.

- Я не стал бы вас удерживать, если бы не хотел, - сказал мистер Лоренс и со старомодной вежливостью предложил Джо руку, чтобы проводить до столовой.

"Интересно, что сказала бы Мег, если бы увидела это?" - подумала Джо, и при мысли, как она расскажет дома о визите к Лоренсам, глаза ее лукаво заблестели.

- Что там стряслось, мой мальчик? - осведомился пожилой джентльмен, заметив Лори, быстро сбегавшего с лестницы.

Увидев Джо, шествующую под руку с грозным дедом, Лори замер на месте и некоторое время с изумлением наблюдал за этой умильной сценой.

- Я не знал, что вы уже вернулись, сэр, - наконец проговорил он, а Джо в ответ окинула его победоносным взглядом.

- Оно и видно, - ответил мистер Лоренс. - Иначе вы не стали бы так носиться по лестницам. Идите-ка лучше пить чай, сэр. И держите себя как подобает джентльмену.

Ласково потрепав мальчика за чуб, мистер Лоренс повел свою юную спутницу дальше. Лори поплелся следом. Удивление его не проходило. Украдкой наблюдая за ним, Джо увидела, как его физиономия все больше вытягивается, и это было так забавно, что она едва удерживалась от смеха.

За чаем старый джентльмен особой словоохотливости не проявил. В молчании он выпил четыре чашки подряд, наблюдая за мальчиком и гостьей, которые, вскоре после того как сели за стол, свободно принялись болтать, точно давние знакомые. От деда не укрылись перемены, которые произошли с внуком.

Бледное лицо мальчика порозовело, грустные глаза весело заблестели. Беседуя с Джо, Лори смеялся и держал себя очень свободно.

"Она права, – подумал дед. – Наверное, мой мальчик действительно слишком одинок. Что ж, поглядим, как повлияют на него эти девочки".

Мистер Лоренс продолжал наблюдать за детьми. Джо ему нравилась все больше и больше, даже ее мальчишеские манеры. Он считал, что именно благодаря им она так легко находит с внуком и общие темы для разговоров, и общий язык.

Обычно подобные чаепития для Джо были настоящей пыткой. Но старый мистер Лоренс, к удивлению девочки, отличался от большинства представителей респектабельного мира, и она чувствовала себя в его обществе легко и уютно.